

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Адвокат и его полномочия в уголовном судопроизводстве, проблемы участия в доказывании»

Обучающийся

М.А. Лисаков

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Уголовно-процессуальная характеристика защитника как участника уголовного судопроизводства	13
1.1 Место и роль защитника в уголовном процессе	13
1.2 Правовые основы участия защитника в уголовном судопроизводстве	23
1.3 Полномочия защитника как субъекта доказывания	30
Глава 2 Участие защитника в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства	36
2.1 Участие защитника в предварительном следствии и дознании. Участие в доказывании.	36
2.2 Проблемы участия защитника в доказывании при разрешении вопроса об избрании меры пресечения	62
Глава 3 Участие защитника в доказывании на судебных стадиях уголовного судопроизводства	76
3.1 Проблемы реализации защитником полномочий по доказыванию на судебных стадиях уголовного судопроизводства.....	76
3.2 Проблемы исключения доказательств как недопустимых и по инициативе защитника	84
3.3 Заявление ходатайств и принесение жалоб как форма участия защитника в уголовно-процессуальном доказывании	99
Заключение	106
Список используемой литературы и используемых источников	113

Введение

Актуальность исследования: в современный период эволюция уголовно-процессуальной системы Российской Федерации заслуживает пристального внимания. Конституционная реформа, начавшаяся с принятием Конституции РФ 12.12.1999г., ознаменовала собой поворотный момент в создании передовой судебной системы, основанной на принципах состязательности, равноправия сторон, обеспечения прав и свобод личности, беспристрастного отправления правосудия.

Принятие УПК Российской Федерации в 2001г. стало важнейшим этапом на пути преобразований, направивших судебный процесс от преимущественно обвинительного механизма к более сбалансированной, смешанной системе с повышенным вниманием к состязательным процедурам.

Эта законодательная эволюция заметно укрепила позиции адвокатов защиты в судебном процессе. Пересмотр традиционных ролей и обязанностей этих юристов-практиков подчеркивает стратегическую перестройку, направленную на защиту прав лиц, которым предъявлены уголовные обвинения, и тем самым способствующую общему равенству в системе правосудия.

Принцип состязательности и представительства равных сторон расширил возможности защитника, позволив ему раньше подключаться к следственным действиям, вводить обязательное юридическое представительство при определенных условиях, а также расширять роль и деятельность адвоката в рамках правового поля.

Крайне важно, что защита получила возможность активно собирать и представлять доказательства на всех этапах расследования и судебного разбирательства, что способствует более активной стратегии защиты, оспаривающей обвинительные версии и доказательства.

Статья 6 УПК Российской Федерации отражает пересмотренное видение уголовного судопроизводства, наделяя адвокатов новыми задачами и

процессуальными правами. Несмотря на эти достижения, дискуссия вокруг доказательственной роли защиты, включая ее цели, права и обязанности, остается динамичной и все более нюансированной. Эти продолжающиеся дебаты свидетельствуют о том, что законодательные реформы, призванные повысить справедливость и оперативность системы правосудия, еще не завершены.

Таким образом, анализ этих изменений не только позволяет понять современное состояние российского уголовно-процессуального законодательства, но и подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства для полной реализации предусмотренного баланса между полномочиями прокуратуры и возможностями защиты по обеспечению правосудия.

В данной диссертации рассматривается важная тема роли и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве, а также вопросы, связанные с участием в доказывании. Эта тема имеет значение как для национального, так и для международного правового ландшафта.

В контексте Российской Федерации этот дискурс развивался от дореволюционных научных работ до судебной практики советского периода и остается в центре внимания современных исследователей. Тем не менее, эволюция правовой базы создает сложности, делая многие научные работы потенциально устаревшими и спорными.

Введение всеобъемлющего участия адвокатов в представлении доказательств представляет собой новую корректировку в национальной правовой процедуре и вызывает неоднозначную реакцию. Критики, особенно те, кто придерживается обвинительной точки зрения в вопросах доказательств, высказывают опасения по поводу этого события. Поэтому ожидается, что дебаты по этому вопросу будут нарастать.

Нежелание законодателей уточнять и разъяснять процессуальные нормы УПК Российской Федерации еще больше осложняет этот вопрос. Исследований, посвященных процессуальным и криминалистическим

функциям адвоката в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, практически нет, а существующие диссертации отличаются значительной однородностью структуры, выводов и рекомендаций.

Теоретическое исследование опирается на научный вклад процессуалистов и теоретиков, в том числе Б.Н. Агафонова, О.В. Бабинова, А.А. Гуганова, В.В. Денды и ряда других, создающих комплексную теоретическую базу.

Объект исследования оперативная динамика деятельности адвокатов в уголовном процессе, где они выступают в качестве механизма защиты, направленного на достижение благоприятного для обвиняемых решения путем правового противостояния стороне обвинения. Это включает в себя изучение условий, влияющих на стратегический подход защиты, фундаментальных знаний, определяющих эти стратегии, и процессуальных механизмов, способствующих их реализации.

Предмет исследования включает в себя изучение действующего уголовно-процессуального законодательства, а также судебной и юридической практики, касающейся доказательственного вклада адвокатов в уголовные процессы, с учетом этических норм.

Целью и задачами исследования является всестороннее изучение нюансов участия адвоката в процедурах доказывания в рамках уголовного судопроизводства, а также методик такого участия. Кроме того, исследование направлено на оценку адекватности существующих условий, позволяющих адвокату эффективно выполнять доказательственные функции в современном уголовном судопроизводстве, а также на предложение рамочной основы для реализации этих функций.

Достижение цели исследования предполагает решение конкретных задач:

- определить процессуальное назначение адвоката и тщательно проанализировать концепцию его автономии в контексте уголовного судопроизводства;

- рассмотреть и изобразить среду, в которой действует адвокат защиты в отношении сбора доказательств, подчеркнув применение принципов состязательности и равенства на судебной и предварительной стадиях;
- провести исторический обзор доказательственных функций адвоката в рамках отечественных уголовных процедур;
- исследовать концептуализацию доказательств по уголовным делам, изучить их разновидности, происхождение, структуру и сущность;
- провести переоценку концептуальных основ доказывания в уголовном судопроизводстве, обратив внимание на его составляющие и характеристики;
- выяснить законодательные положения, наделяющие адвоката самостоятельным сбором, проверкой подлинности и оценкой доказательств;
- провести тщательное исследование степени владения адвокатами защиты навыками самостоятельного сбора доказательств и проведения следственных действий с использованием различных форм доказательств в рамках уголовного процесса. В этом анализе должны быть подробно рассмотрены возможности на различных этапах судебного и досудебного разбирательства;
- изучить компетентность практикующих юристов в оспаривании процедур и решений, принимаемых лицами, осуществляющими предварительное следствие, с целью получения доказательств;
- сформулировать стратегии и рекомендации, направленные на совершенствование законодательной базы и механизмов, с помощью которых адвокаты реализуют свои права на получение доказательств.

Методология, положенная в основу диссертации, включает в себя различные аналитические механизмы, в том числе диалектический анализ,

исторический обзор, системно-структурное рассмотрение, сравнительное правоведение, логико-юридический анализ, статистическую оценку и др.

В нормативную базу анализа положена: Конституция Российской Федерации 1993г., а также ряд международных правовых документов, включая договоры и конвенции. В настоящем исследовании также использованы как современные, так и архивные уголовно-процессуальные законы Российской Федерации и РСФСР. Кроме того, в исследовании используются руководящие разъяснения Конституционного суда РФ и Пленумов Верховного суда РФ.

Эмпирической базы исследования использован обширный набор источников данных. К ним относятся официально зафиксированные правовые прецеденты, статистика преступности и правосудия за период с 2009-2023гг., полученная из Судебного департамента при Верховном суде РФ, прецедентное право Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) за период с 2007 – 2020гг., а также данные Генеральной прокуратуры РФ.

Кроме того, в исследование включены личные юридические анализы и примеры из опыта других специалистов в области права.

Научная новация данного исследования является целостное рассмотрение процессуальной динамики деятельности адвоката на различных стадиях уголовного судопроизводства. В ней критически рассматривается и стремится переосмыслить существующую научную перспективу, которая позиционирует адвоката защиты вне сферы автономных процессуальных субъектов, способных наравне с исполнительными правоохранительными органами участвовать в доказательственных стадиях уголовного процесса.

В диссертации подробно критикуется сложившаяся доминирующая тенденция разделения ролей обвинителя и защиты в сборе и проверке доказательств, отстаивается новая парадигма, при которой сбор доказательств защитой имеет равный процессуальный вес с усилиями следствия и обвинения.

Кроме того, в исследовании предлагается законодательная реформа, направленная на расширение процессуальных прав и возможностей адвокатов защиты. Это включает в себя рекомендации по изменению законодательства, чтобы оно лучше отражало принципы состязательности и равенства сторон, а также предлагает механизмы, ограничивающие субъективное усмотрение следователей, дознавателей и судебных органов в отношении доказательственного вклада адвоката защиты.

Основные положения, выносимые на защиту:

Во-первых, в контексте уголовного правосудия механизм защиты представляет собой многогранную правовую конструкцию, проявляющуюся в нескольких аспектах: как основополагающий элемент уголовно-процессуального права, обязательная процессуальная роль в состязательных правовых системах, воплощение реализации прав человека и как вариант специализированной юридической помощи.

Этические основы правовой защиты обусловлены стремлением оспорить причастность человека к преступной деятельности, независимо от того, обвиняется он или осужден, полностью или частично опровергнуть обвинения или подозрения, добиться смягчения приговора.

Кроме того, она направлена на защиту собственности, прав и свобод тех, кто подвергается риску преступного поведения, характеризующегося такими признаками, как нормативное соответствие, автономия, ловкость и компетентность, а также присущие им конфликт и риск, достижение равновесия.

Во-вторых, суверенность, предоставляемая специалистам по защите, основана на законодательно закрепленных правах и защите, позволяющих правозащитнику самостоятельно выработать позицию по рассматриваемому делу, формулировать общий подход и выбирать конкретные тактические приемы и методики защиты. Такая автономия, лишённая какого-либо явного или скрытого вмешательства со стороны внешних субъектов, необходима и обязательна для проведения операций

защиты, способствуя соблюдению ключевых процессуальных принципов в системе уголовного правосудия.

В-третьих, суверенность защитника включает в себя как правовые, так и этико-психологические аспекты. Правовой аспект независимости подкрепляется законодательной поддержкой и системой правовых гарантий, призванных предотвратить любое постороннее влияние на деятельность защитника. Этико-психологический аспект включает в себя признание защитником этих правовых гарантий как адекватных для выполнения своих законодательно закрепленных обязанностей, а также готовность эффективно их использовать.

Кроме того, автономия адвоката в уголовном судопроизводстве подкреплена полным набором гарантий, которые подразделяются на:

- полномочия, предоставленные адвокату, позволяющие ему разрабатывать независимые тактические и стратегические подходы, свободные от влияния других участников процесса;
- правовые нормы, защищающие деятельность адвоката от неправомерного влияния других субъектов уголовного процесса и от необоснованных препятствий при выполнении своих обязанностей;
- в контексте расширения автономии адвокатов защиты в сфере внутреннего уголовного судопроизводства возникает первостепенная проблема: препятствия, создаваемые влиятельными субъектами судебной системы. Такие препятствия, исходящие от органов, ответственных за преследование преступлений, или от самой судебной системы, серьезно подрывают способность адвоката защиты эффективно использовать свои prerogatives. Это, в свою очередь, мешает им играть важную роль в защите обвиняемого от действий прокуратуры.

Эта проблема усугубляется тем, что следственные органы склонны рассматривать деятельность защиты как антагонистическую по отношению к

их следственным действиям. Соответственно, действия адвокатов защиты часто неверно истолковываются как препятствующие.

В-четвертых, усилия национальных законодателей, направленные на укрепление самостоятельной позиции адвоката защиты, особенно путем расширения его возможностей по сбору доказательств, наталкиваются на значительное сопротивление. Это сопротивление коренится в глубоко укоренившемся убеждении доминирующих судебных деятелей, которое подкрепляется судебной практикой Конституционного и Верховного судов Российской Федерации.

По мнению этих инстанций, только доказательства, полученные официальными сотрудниками уголовного розыска, могут считаться исчерпывающими и действительными. В свете этих препятствий законодательное намерение обязать судебные органы удовлетворять ходатайства адвоката о предоставлении доказательств, направленные на обоснование утверждений, выгодных обвиняемому, подозреваемому или подсудимому, представляется оправданной стратегией.

Однако, учитывая современное состояние правоохранительной системы, следует однозначно закрепить положение о том, что следственные органы не вправе отказать адвокату в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела доказательств, имеющих значение для дела.

Такое положение не оставляет возможности для дискреционного отказа со стороны следственных органов, тем самым обеспечивая защиту от произвольного препятствования представлению существенных доказательств. Такой подход подчеркивает важнейшую эволюцию в обеспечении процессуальных прав защиты, способствуя тем самым более сбалансированному и справедливому процессу уголовного правосудия.

В-пятых, для повышения самостоятельности и эффективности деятельности адвокатов в рамках уголовного правосудия предлагается внести

конкретные поправки в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации:

В-шестых, необходимо расширить формулировку части 7 статьи 49, закрепив прерогативу адвоката на прекращение представительства. Данная корректировка кодифицирует п. 6 ч. 4 ст. 6 ФЗ № 63РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», устанавливающий, что в исключительных случаях адвокат может заявить самоотвод от участия в деле.

Для этого необходимо подать заявление в соответствующую региональную коллегия адвокатов, подробно описав непреодолимые препятствия для продолжения оказания юридической помощи. Одобрение такого ходатайства зависит от возникновения непредвиденных условий после начала работы. После утвердительного отказа доверителю должно быть предложено альтернативное юридическое представительство.

В-седьмых, для смягчения процессуального противодействия со стороны следственных органов в части оперативного привлечения защитника необходимо пересмотреть ч. 4 ст. 50 УПК РФ. Эта редакция обязывает сотрудников следственных органов и органов дознания содействовать назначению защитника, если выбранный задержанным адвокат не может явиться в течение 24 часов после задержания. Назначенный адвокат обязан приступить к оказанию юридической помощи в течение того же временного периода после задержания или ареста.

В-восьмых, для расширения возможностей защиты по сбору доказательств предлагаются два положения: п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ теперь предписывает, что протокол допроса должен содержать исчерпывающие идентификационные данные как допрашиваемого, так и допрашивающего, а также оперативную информацию о ходе допроса.

Необходимо заручиться согласием на проведение допроса, подтвержденным собственноручно лицом, подвергнутым допросу. Это согласие должно быть получено после инструктажа по соответствующим

правовым нормам, которые наделяют адвоката защиты правом контролировать процесс допроса.

Ст. 5 УПК РФ теперь дополнена четким разъяснением понятия «опрос лиц с их согласия», которое характеризуется как процесс допроса, возглавляемый адвокатом защиты. Этот процесс подразумевает составление протокола допроса, который совместно удостоверяется. Эта поправка способствует методичному признанию и включению доказательств, собранных защитой, в правовые рамки сбора доказательств.

Чтобы обезопасить стратегию защиты от компрометации в результате прокурорского истребования доказательств, следует ввести статью 450.1 УПК РФ, ограничивающую доступ следственных органов к материалам защиты только теми сценариями, в которых отсутствуют альтернативные источники доказательств или когда такие материалы могут подтвердить имеющиеся доказательства по делу.

Эти законодательные предложения направлены на укрепление процессуальной позиции защиты, что будет способствовать созданию более сбалансированной и справедливой системы уголовного судопроизводства.

Теоретическое и прикладное значение работы подчеркивает полезность ее выводов, аргументов и предложений в качестве основополагающих элементов для научных исследований. Эти исследования направлены на выяснение компетентности адвокатов защиты в автономном проведении сбора доказательств в рамках уголовного процесса.

Кроме того, данное исследование вносит существенный вклад в совершенствование национального уголовно-процессуального законодательства, а также улучшает следственную и судебную практику, особенно в отношении роли адвокатов защиты в работе с доказательствами.

Структура диссертации методически организована в несколько разделов: введение, три главы, которые далее подразделяются на восемь параграфов, заключение, список используемых источников и используемой литературы.

Глава 1 Уголовно-процессуальная характеристика защитника как участника уголовного судопроизводства

1.1 Место и роль защитника в уголовном процессе

В сфере уголовно-процессуальной юриспруденции общепринятое определение термина «защитник» остается труднодостижимым. В рамках УПК Российской Федерации в ст. 5 перечислены основные термины, относящиеся к кодексу, но при этом дается неполное раскрытие понятия «защитник».

При аналитическом исследовании п. 46 можно заметить, что состав защиты, включающий обвиняемого, его адвоката, гражданского ответчика и их законных представителей, признается. Однако конкретные функции адвоката остаются неустановленными. Это контрастирует с предшествующим изложением в п. 45, в котором раскрывается структура обвинения, включая роль обвинителя, четко сформулированную в пункте 31.

Такое упущение ставит под сомнение основополагающий принцип состязательных правовых систем, поскольку нечетко определяет роль адвоката защиты, тем самым потенциально ставя под угрозу справедливость судебного представительства [62, с. 4921].

В рамках экзегезы УПК РФ, в частности через призму В.И. Радченко, адвокат определяется как субъект, наделенный полномочиями УПК и дополнительными законодательными документами Российской Федерации.

Роль адвоката заключается в обеспечении прав и законных интересов лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, в том числе лиц, признанных виновными в совершении преступлений, совершенных в условиях недостаточной ответственности. Эта защита реализуется через оказание правовой поддержки в ходе уголовного судопроизводства [64, с. 1124].

Развивая эту основу, С.С. Соловьев расширяет определение и включает в него любое лицо, уполномоченное в соответствии с УПК РФ отстаивать права и интересы более широкого круга участников уголовного судопроизводства.

К ним относятся подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осужденные и оправданные. Такая защита осуществляется посредством оказания юридической помощи в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 49 УПК Российской Федерации [57, с. 313].

Эти точки зрения свидетельствуют о явном отсутствии единого, исчерпывающего определения термина «защитник», что подчеркивает необходимость обращения к нормативным правовым актам для уточнения. Статья 49 УПК Российской Федерации конкретно определяет защитника как лицо, уполномоченное законом защищать права и интересы подозреваемых и обвиняемых, оказывая тем самым юридическую помощь в уголовном процессе [63].

Этот нюанс показывает, что для поддержания принципов справедливости и равенства в состязательной правовой системе необходима четкость в определении юридических ролей.

В соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК Российской Федерации адвокаты могут выступать в качестве представителей защиты. Более того, она предусматривает возможность привлечения к участию в судебном разбирательстве близких родственников обвиняемого или лица, уполномоченного обвиняемым, как наряду с адвокатом, так и вместо него, с согласия или по указанию судебного органа, особенно в случаях, когда дело рассматривается мировым судьей [63].

Данное положение подчеркивает сложный и всеохватывающий подход к представлению интересов адвоката в российской судебной системе, что требует всестороннего толкования для учета разнообразного круга лиц, имеющих право выступать в качестве защитника.

Положение, изложенное в ч. 2 ст. 49 УПК РФ, подчеркивает ключевую роль практикующих юристов, или защитников, в процессуальной динамике. Тем не менее, аналитический обзор действующего процессуального законодательства показывает отсутствие точного определения термина «адвокат» [63], что указывает на потенциальную область для законодательного уточнения.

В отличие от этого, ФЗ №63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в частности, статья 2, разъясняет процесс перехода физического лица в статус адвоката. В ней разъясняется, что человек официально вступает в роль адвоката после получения необходимого статуса и разрешения на занятие адвокатской деятельностью в соответствии с нормативно-правовой базой.

Такое уточнение способствует более детальному пониманию профессиональной идентичности и квалификационных критериев юристов в контексте российской юридической практики.

Н.С. Медведева рассматривает разграничение понятий «адвокат» и «защитник», показывая, что термин «адвокат» имеет более узкое применение, относясь исключительно к лицам, занимающимся юридической деятельностью на профессиональном уровне. Напротив, термин «защитник» охватывает более широкий спектр, распространяясь на любого юриста, который официально наделен полномочиями в соответствии с конкретным правовым мандатом и имеет профессиональную лицензию.

Более того, судебная система допускает привлечение любого гражданина в качестве дополнительного защитника, если об этом ходатайствует обвиняемый, с оговоркой, что это зависит от одобрения или указания суда. Эта свобода действий существенно ограничена в мировом судопроизводстве, где основным защитником должен быть квалифицированный адвокат [30, с. 221-223].

Л.В. Седельников, разделяя мнение Медведевой, расширяет понятие «защитник», обозначая им любое лицо, участвующее в обеспечении или

представлении интересов другого лица в судебных или правовых рамках [55, с. 114].

О.В. Бабинов представляет расширительную критику традиционного разграничения термина «защитник» в дискурсе уголовного правосудия. Он предлагает расширенную трактовку, при которой права на защиту распространяются не только на подозреваемых и обвиняемых, но и на всех субъектов уголовного процесса.

Основанием для такой точки зрения служит положение, закрепленное в ст. 49 УПК Российской Федерации, в котором утверждается всеобщее право на защиту [5, с. 14-17]. Такой подход отстаивает всеобъемлющую концепцию прав на защиту, утверждая всеохватность защиты как основополагающий принцип, применимый ко всем лицам, вовлеченным в уголовный процесс, независимо от их процессуального предназначения.

Напротив, А.А. Гуганова формулирует точку зрения, которая определяет роль «защитника» как выходящую за рамки традиционных параметров, связанных с профессией юриста, особенно в контексте уголовного правосудия. Эта точка зрения находит свое обоснование в ст. 2 ФЗ №63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Данная норма признает, что прерогатива на юридическое представительство распространяется не только на лиц, непосредственно участвующих в деле в качестве подозреваемых или обвиняемых, но и на другие заинтересованные стороны судебного процесса [14, с. 57].

Такое толкование подчеркивает необходимость профессиональных правовых гарантий, и это мнение поддержал Председатель Верховного Суда Российской Федерации, который подчеркнул тяжелые последствия отсутствия такой защиты для всех вовлеченных сторон, что может привести к вопиющим нарушениям уголовно-процессуального законодательства [26, с. 158-159].

Дискуссия в научных кругах о целесообразности предоставления участнику судебного процесса возможности выбора защитника, не являющегося официально признанным адвокатом, еще больше усиливает эту

обеспокоенность. Такой сценарий чреват выбором адвоката защиты, который может не обладать необходимой профессиональной компетентностью, что подрывает конституционное право на компетентное юридическое представительство.

Более того, законодательное разрешение лицам, не являющимся юристами, представлять подозреваемых или обвиняемых в разбирательствах, проводимых мировым судьей, резко контрастирует с нормативно-правовой базой ряда международных юрисдикций. Эти юрисдикции не признают концепцию «инога лица», выступающего в качестве защитника, и ограничивают эту роль лицами, внесенными в единый реестр адвокатов [75, с. 105]; [76, с. 439]; [77, с. 84]; [78, с. 70].

Для снижения риска неадекватного юридического представительства со стороны адвокатов защиты необходимо внести изменения в действующее уголовное законодательство, чтобы исключить возможность работы в качестве адвокатов лиц, не имеющих формального юридического образования и квалификации. Такие поправки должны предусматривать, что только лица, сдавшие квалификационный экзамен и тем самым взявшие на себя юридическую ответственность за качество своих юридических услуг, имеют право выступать в этом качестве [79, с. 74].

Таким образом, роль защитника должна быть строго отведена лицам, получившим правовой статус адвоката и имеющим право заниматься юридической практикой в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Это охватывает более широкий круг лиц, участвующих в уголовном процессе, что требует внесения законодательных изменений в ч. 1 ст. 49 и дополнения пункта 46.1 статьи 5 УПК РФ.

Изменения, предлагаемые к внесению в законодательную базу, направлены на четкое определение роли «защитника» как лица, уполномоченного по закону защищать права и интересы всех субъектов, вовлеченных в уголовный процесс. Это касается задержанных,

подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, предоставляя им исчерпывающую правовую поддержку.

Такая инициатива согласуется с конституционными полномочиями, закрепленными в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, которая гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи.

По мнению С.В. Прожерина, уголовно-процессуальное законодательство наделяет защитника совокупностью прав и привилегий, которые выступают в качестве процессуальных гарантий, обеспечивающих эффективное исполнение им своих обязанностей. Таким образом, необходимым условием для изучения роли защитника является тщательное изучение этих прав и привилегий [53, с. 104].

В научной оценке, проведенной А.П. Рыжаковым, эти права и привилегии делятся в основном на две группы: инициирование участия защитника в процессе, регламентированное ч. 3 ст. 49, и процессуальные требования к такому инициированию, изложенные в ч. 4 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Это включает в себя, с одной стороны, процесс привлечения адвоката к участию в уголовном деле путем предоставления удостоверения и разрешения, а с другой-право адвоката назначать свидания с подозреваемым или обвиняемым без ограничения их частоты и продолжительности, как это предусмотрено пунктом 1 части 1 статьи 53 вышеуказанного Кодекса [54, с. 58].

Однако поправка, внесенная в ч. 4 ст. 92 УПК РФ, допускает возможность ограничения продолжительности встреч до двух часов по усмотрению дознавателя или следователя при условии надлежащего общения с подозреваемым и его законным представителем.

Тем не менее, такие ограничения не должны ограничивать время встречи менее чем двумя часами. И адвокат, и подозреваемый сохраняют возможность взаимного согласия на более короткие встречи.

Критика жесткой трактовки данного законодательства, по мнению В.В. Денды, не соответствует требованиям защиты прав и интересов лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование. Подобная критика подчеркивает необходимость включения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ положений, допускающих перерывы в следственных действиях для проведения частных консультаций между обвиняемым и его защитником [15, с. 6-11].

Наконец, как подчеркивает А.П. Рыжаков, предоставление защитнику права знакомиться с материалами дела является важнейшей прерогативой, лежащей в основе основной роли адвоката в уголовном процессе. Эта роль характеризуется трехсторонней функцией, которая в научном дискурсе часто расчленяется на конкретные функции, подчеркивая важнейшую позицию защиты в обеспечении правосудия и защите прав личности [54, с. 58].

Подводя итог, можно сказать, что в данном анализе выделены основополагающие правовые положения и научные интерпретации, которые подчеркивают критический характер прерогатив адвоката в российской системе уголовного правосудия. Эти прерогативы являются не только основополагающими для защиты прав личности, но и неотъемлемой частью целостности судебного процесса, обеспечивая выполнение функции защиты с максимальным усердием и эффективностью.

В сфере уголовного правосудия роль адвоката включает в себя несколько важнейших обязанностей, сформулированных в виде отдельных подфункций, являющихся неотъемлемой частью процесса защиты. Изначально основной обязанностью адвоката является защита и отстаивание интересов клиента. Это подразумевает энергичную и умелую защиту в суде, направленную на утверждение невиновности клиента или на поиск более благоприятной характеристики предполагаемого преступления, если вина будет установлена.

Последующая обязанность заключается в сохранении процессуальных прав лица, которому предъявлены обвинения, именуемого подозреваемым или

обвиняемым. На адвоката возлагается задача обеспечить полное соблюдение и реализацию предусмотренных законом мер защиты и прав. Это включает в себя, в частности, обеспечение явки обвиняемого на судебное заседание, доступ к документам по делу, возможность изложить свою точку зрения и обеспечить получение необходимых доказательств.

Третья важнейшая функция связана с надзором за следственными и судебными процессами. Адвокат обязан тщательно проверять законность и обоснованность действий как следственных, так и судебных органов. Это включает в себя оспаривание незаконных или ошибочных решений, оспаривание необоснованных обвинений и отстаивание правильного применения уголовного законодательства.

В совокупности эти подфункции подчеркивают первостепенную задачу адвоката в уголовном процессе: энергично защищать обвиняемого и обеспечивать соблюдение его прав в рамках правовой системы. Эта многогранная роль необходима для обеспечения целостности процесса уголовного правосудия, воплощая в себе приверженность адвоката к правосудию и принципам справедливого судебного разбирательства.

По мнению Б.Н. Агафонова, роль адвоката в доказательственной стадии уголовного процесса является основополагающей и включает в себя ряд методических действий, совершаемых защитой. Эти действия включают в себя:

- сбор и представление доказательств;
- участие в стратегических усилиях по получению дополнительных доказательств, включающих ходатайства о привлечении дополнительных свидетелей, запросе экспертных оценок и т. д., имеет решающее значение. Учитывая сравнительно ограниченные возможности защиты по сбору доказательств по сравнению с обвинением, такие усилия представляют собой основной механизм участия защиты в процессе доказывания;
- проактивное участие в процедурах расследования [1, с. 223].

Вспомогательная задача адвоката защиты, по мнению специалистов в области юриспруденции, заключается в оспаривании обвинений. Это подразумевает применение комплексного подхода к защите, включающего в себя оспаривание доказательств обвинения, критику их интерпретационной обоснованности и выдвижение альтернативных нарративов [12, с. 411].

Тем не менее, И. Хмелинин развивает эту роль, подчеркивая ее выполнение через подачу официальных запросов, обжалование конкретных процессуальных решений, участие в состязательном обмене мнениями и апелляционном процессе в отношении вердиктов и различных судебных предписаний [71, с. 228].

В соответствии с правовыми рамками, закрепленными в пункте 11 части 1 статьи 53 УПК РФ, стратегии защиты должны соответствовать законности. Этот принцип подчеркивает значительную проблему, связанную с допустимым объемом аргументов защиты в суде присяжных.

Обобщения судебных решений Верховного Суда Российской Федерации за 2020-2021 гг. (статья 53 УПК РФ) иллюстрируют случаи, когда адвокаты при изложении своей версии неправомерно предполагали виновность альтернативных подозреваемых, что считается тактикой, несовместимой с ч. 1 ст. 252 Кодекса и потенциально способной нанести ущерб вердикту присяжных [10].

Недавние поправки к Федеральному закону №190, направленные на расширение практики судов присяжных, вероятно, усугубят эти проблемы, что говорит о необходимости тонкого понимания и адаптации стратегии защиты [56, с. 3859].

Р. Зиганшин выдвигает третью ключевую роль адвоката, подчеркивая, что защита более широких прав и интересов обвиняемого или подозреваемого выходит за рамки простого опровержения обвинения. Эта роль предполагает защиту, которая выходит за рамки обычной защиты обвинения, отстаивая более широкие правовые интересы клиента, тем самым создавая отдельную и всеобъемлющую функцию в рамках уголовной защиты [17, с. 187].

Более того, система Зиганшина включает в себя деятельность защиты, направленную на оспаривание процессуальных ограничений прав обвиняемого, таких как оспаривание досудебных мер или процессуальных нарушений, тем самым подчеркивая многогранность обязанностей адвоката по обеспечению справедливости и защите прав клиента в системе уголовного правосудия.

Постановление № 1 от 10.02.2009г., принятое Верховным Судом Российской Федерации, определяет ключевую функцию в оперативной структуре правовой защиты в уголовном процессе.

Такая директива непосредственно связана с введением в действие ст. 125 УПК Российской Федерации, определяющей, что в ходе судебной проверки законности и обоснованности поведения (или отсутствия такового) дознавателей, следователей, руководителей следственных органов и прокуроров председательствующий не вправе оценивать вопросы, которые впоследствии могут послужить основанием для судебного обсуждения материально-правовых аспектов рассматриваемого уголовного дела [9].

Исходя из этого положения, законным представителям рекомендуется при оспаривании предполагаемых нарушений прав обвиняемого или подозреваемого в рамках статьи 125 воздерживаться от постановки таких вопросов перед судом, поскольку они не входят в преюдициальную компетенцию суда.

Тем не менее, это правило не распространяется на жалобы, поданные органу прокуратуры или руководителю следственного органа в соответствии со ст. 124 УПК РФ, которая не предусматривает подобных ограничений.

Из проведенного анализа следует, что роль адвоката в контексте уголовного судопроизводства характеризуется процессуальными действиями, направленными на выявление оправдательных доказательств или факторов, которые могут снизить степень виновности обвиняемого, наряду с защитой его личных и имущественных прав.

1.2 Правовые основы участия защитника в уголовном судопроизводстве

Анализируя структурную динамику и оперативную автономию правовой защиты в уголовном судопроизводстве, А.В. Петров выделяет несколько ключевых вопросов: автономия адвоката, его согласованность или расхождение с позицией обвиняемого, особенно в части признания вины и ее обоснования [42, с. 219].

Роль адвоката, как самостоятельного субъекта уголовного судопроизводства, заключается в отстаивании интересов обвиняемого, направленном на обеспечение честности и беспристрастности судебного разбирательства путем представления доказательств и аргументов в пользу подсудимого.

Адвокат наделен полномочиями доступа ко всем материалам дела, присутствия и участия в допросе обвиняемого и свидетелей, ведения допроса, представления доказательств и возражений, а также активного участия в судебных заседаниях. Кроме того, эта роль включает в себя привилегию конфиденциального общения с клиентом.

Обязанности, возлагаемые на адвоката защиты, включают в себя организацию эффективной правовой защиты, изложение позиции клиента в судебных органах, соблюдение процессуальных норм и правил, а также участие в расследовании и выработке стратегии защиты.

Значение роли адвоката в уголовном процессе трудно переоценить, поскольку она имеет решающее значение для отправления правосудия и защиты прав обвиняемого. Адвокат представляет собой независимое процессуальное лицо, обладающее особыми правами и обязанностями, которые отличают его роль от роли обвиняемого.

Нормативная база, определяющая обязанности и привилегии адвокатов в контексте уголовного судопроизводства Российской Федерации, развита крайне слабо. Это наблюдение сформулировано М.М. Титарь, который

отмечает, что, хотя ФЗ №63 РФ в статьях 53 и 6 устанавливает основные права защитников, Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит исчерпывающей информации об обязанностях, возлагаемых на адвокатов [59, с. 41].

Единичное упоминание об обязанностях адвоката можно найти в ст. 7 Федерального закона №63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Однако важно отметить, что это положение не распространяется на конкретные обязанности адвоката в уголовном процессе.

В ст. 53 Уголовно-процессуального кодекса РФ перечислены права, которыми наделены адвокаты, участвующие в уголовном судопроизводстве. Эти права включают в себя проведение частных консультаций с подозреваемым или обвиняемым, сбор и представление доказательств, имеющих значение для защиты, привлечение экспертов для усиления аргументации защиты.

Более того, адвокатам предоставляется привилегия присутствовать при оглашении обвинения, участвовать в допросе подозреваемого или обвиняемого, а также принимать участие в целом ряде следственных процедур, требующих присутствия обвиняемого или инициированных по просьбе обвиняемого или его адвоката.

Помимо этого, адвокатам предоставляется доступ к важнейшим процессуальным документам, включая протоколы задержания, решения об избрании мер пресечения и протоколы следственных действий. Этот доступ является всеобъемлющим и охватывает всю документацию, предоставленную подозреваемому или обвиняемому или предназначенную для них.

Эта система играет ключевую роль в обеспечении информированного и эффективного юридического представительства, хотя разграничение обязанностей остается областью, требующей дальнейшего развития.

После предварительного следствия адвокат имеет право тщательно изучить все материалы дела, расшифровать соответствующую информацию и

размножить материалы дела за свой счет с использованием технических средств.

Обязанности адвоката выходят за рамки простого представления ходатайств и отводов. Они принимают активное участие на всех этапах судебного процесса, который охватывает как апелляционную, так и надзорную стадии. Более того, эти специалисты обладают полномочиями оспаривать действия или решения, вынесенные правоохранительными и судебными органами, участвуя в процессе рассмотрения таких жалоб.

Кроме того, в соответствии со ст. 6 Федерального закона № 63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокаты наделены дополнительными прерогативами.

Эти полномочия способствуют получению необходимой информации путем направления официальных запросов в государственные и негосударственные структуры, проведения опросов осведомленных лиц с их согласия, сбора и представления вещественных доказательств и документов в порядке, установленном нормативно-правовой базой Российской Федерации.

Кроме того, практикующие адвокаты вправе привлекать на договорной основе специалистов для получения специальных знаний, относящихся к оказываемой юридической помощи.

При этом обеспечивается конфиденциальный и неограниченный диалог с клиентами в целях защиты частной жизни, а также тщательная фиксация информации, относящейся к материалам дела, в соответствии с нормативными актами, регламентирующими защиту конфиденциальной информации.

Таким образом, данные положения законодательства в совокупности наделяют адвокатов в Российской Федерации широкими правами и механизмами для эффективного отстаивания интересов своих клиентов, обеспечивая надежную защиту и соблюдение правовых норм и принципов. Эти права способствуют тщательной подготовке и реализации стратегии защиты в рамках российской правовой системы, воплощая в себе процессуальные гарантии, необходимые для отправления правосудия.

Изучение ст. 7 Федерального закона № 63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» раскрывает сложную нормативную базу, определяющую обязанности и этические критерии, обязательные для практикующих юристов в указанной сфере.

Этот анализ, проведенный О. Пермяковой, подчеркивает не только план профессионального поведения, но и кодифицирует рамки ответственности адвокатов.

Статут определяет несколько важнейших обязательств для адвокатов, а именно:

- отстаивать права и интересы своих клиентов, проявляя непоколебимую честность, ловкость и усердие, используя все допустимые способы защиты, предусмотренные российским законодательством;
- осуществлять юридическое представительство в качестве адвоката защиты в случаях, признанных следственными или судебными органами обязательными, а также оказывать безвозмездную юридическую помощь гражданам России в случаях, предусмотренных законом;
- повышение квалификации в соответствии с рекомендациями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и региональных адвокатских палат;
- придерживаться этического кодекса, относящегося к профессии адвоката, и следовать указаниям региональных и федеральных адвокатских палат в рамках предоставленных им полномочий;
- вносить финансовый вклад в коллективные нужды своей коллегии адвокатов, а также в операционные расходы своей адвокатской практики или юридической фирмы в соответствии с финансовой политикой, установленной их коллегами;

- приобретать страховое покрытие для защиты от потенциальной ответственности, возникающей в результате профессионального поведения;
- дальнейшее изучение статьи 7 показывает, что она не только определяет обязанности практикующих юристов, но и устанавливает последствия несоблюдения или некачественного выполнения этих обязанностей.

В соответствии с положениями части 2 статьи 7 адвокат несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей в соответствии с указанным Федеральным законом [41, с. 38-41].

Данное предписание подчеркивает двуединую задачу, стоящую перед российской судебной системой: повысить уровень правовой защиты и одновременно обеспечить ответственность адвокатского сообщества. Такой двунаправленный подход способствует сохранению святости профессии юриста и укреплению доверия общества к судебному механизму.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации формулировка обязанностей и юридических границ, связанных с ролью адвоката, в основном содержится в статье 53.

Данный пункт обязывает защитника соблюдать конфиденциальность, категорически запрещая разглашение сведений, относящихся к предварительному расследованию, ставших известными адвокату в качестве законного представителя, при условии уведомления о таком запрете в соответствии с положениями статьи 161 указанного Кодекса.

Последствия нарушения этой тайны закреплены в ст. 310 УПК Российской Федерации, предусматривающей наказание за незаконное распространение данных следствия.

Аналитический анализ, проведенный М.М. Титарь, показывает, что эти нормы не только определяют привилегии защитника, но и разъясняют его обязанности и возможные правовые последствия.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что для целостного понимания правового положения адвоката в уголовном процессе необходимо пересмотреть законодательство, а именно внести изменения в статью 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Рекомендуемые изменения направлены на уточнение формулировки с целью однозначного определения «прав, обязанностей и ответственности защитника в уголовном судопроизводстве».

Помимо этого, предлагается ввести новый подраздел, четко определяющий обязанности адвоката, которые включают в себя этическое, разумное и добросовестное представление законных интересов клиента допустимыми средствами, соблюдение законодательных предписаний об обязательном участии адвоката в уголовном судопроизводстве, а также оказание безвозмездных юридических услуг гражданам России в соответствии с процессуальным кодексом.

Данная рекомендация согласуется с правовыми взглядами В.М. Лебедева, который подчеркивает, что роль адвоката в уголовном судопроизводстве основывается на четко определенной правовой базе, включающей права, обязанности и механизмы ответственности [26, с. 158-159].

Помимо этого, Т.Д. Упорова рассматривает процессуальную динамику защиты адвокатов в соответствии с положениями ст. 18 Федерального закона № 63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». В этом исследовании акцентируется внимание на конкретных законодательных мерах, направленных на укрепление исполнения адвокатами своих профессиональных обязанностей [65, с. 61-63].

Такой многоуровневый анализ подчеркивает необходимость совершенствования законодательства для более точного отражения и регулирования сложной взаимосвязи обязанностей, прав и защиты, присущих адвокатской профессии в рамках уголовного судопроизводства.

Рассматривая вклад Т.Д. Упоровой в дискурс о независимости юридической профессии, данный анализ направлен на прояснение нормативной базы, обеспечивающей автономию адвоката. В нем подчеркивается, что практикующие юристы защищены от неправомерного влияния и ответственности за свои профессиональные суждения, за исключением уголовных приговоров, вынесенных в ходе судебных процессов.

К тому же в доктрине подчеркивается запрет на выпытывание у адвокатов конфиденциальной информации или их вызов в качестве свидетелей по вопросам, связанным с их адвокатской деятельностью. Кроме того, она подчеркивает обязательную защиту адвокатов, их родственников и имущества от любых форм принуждения или угроз, обязывая правоохранительные органы неукоснительно соблюдать эти гарантии.

В правовом поле Российской Федерации разграничение обязанностей адвокатов носит формальный характер. В соответствии с Федеральным законом №63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выполнять эти функции вправе только лица, признанные в установленном порядке адвокатами и имеющие лицензию на занятие адвокатской деятельностью.

Это законодательство подчеркивает позицию адвоката как самостоятельного юридического советника, наделенного полномочиями оказывать услуги по защите в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Эта система признает ключевую функцию, которую выполняют адвокаты защиты в судебной системе, выходя за рамки простого представления интересов клиента и охватывая более широкие задачи по поддержанию правосудия и защите гражданских свобод.

Адвокаты должны обладать специальными юридическими знаниями, а их оперативная независимость гарантируется для предотвращения внешнего вмешательства. Соблюдение этических норм и профессиональное поведение

призваны поддерживать целостность и доверие общества к профессии адвоката.

Конституционный суд РФ утверждает, что уникальная квалификация и опыт адвокатов имеют решающее значение для оказания компетентной юридической помощи, подчеркивая их неотъемлемую роль в национальной системе правосудия. Процессуальная простота привлечения адвокатов к участию в уголовных делах-достаточно предъявить лицензию и мандат на оказание безвозмездных юридических услуг упрощает их участие, обеспечивая оперативность и эффективность правовой поддержки клиентов.

Следовательно, правовая база не только предоставляет адвокатам особые привилегии и преимущества в уголовном процессе по сравнению с представителями защиты, не являющимися адвокатами, но и усиливает их важнейший вклад в справедливое отправление правосудия, обеспечивая права и свободы участвующих сторон.

Настоящий анализ, основанный на глубоком понимании Упоровой, подчеркивает важность сохранения и защиты независимости и целостности юридической профессии в рамках судебной системы Российской Федерации.

1.3 Полномочия защитника как субъекта доказывания

Процессуальный статус адвоката в сфере уголовного судопроизводства определен в ст. 49 УПК Российской Федерации.

Согласно этому положению, защитник лицо, наделенное действующим уголовно-процессуальным законодательством полномочиями по защите прав и интересов лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также по оказанию юридической помощи в ходе уголовного судопроизводства [63].

Важнейшим вопросом, который находится под пристальным вниманием современности, является то, в какой степени адвокаты считаются

неотъемлемыми участниками стадии сбора доказательств в уголовном процессе.

Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ, стадия сбора доказательств является одним из основных компонентов уголовного судопроизводства. Ключевыми фигурами на этой стадии являются дознаватели, следователи, прокуроры и судебные органы. На них возложена задача сбора доказательств путем проведения множества следственных и процессуальных действий. В частности, следователи и дознаватели отвечают за проведение допросов свидетелей и подозреваемых, осмотр места происшествия, изъятие предметов и документов, а также за проведение экспертиз.

Прокуроры играют важнейшую роль в обеспечении соблюдения правовых норм и защиты прав и законных интересов всех участников уголовного процесса, а также участвуют в судебных слушаниях и дают оценки по делу. Судебная власть призвана обеспечивать соблюдение процессуальных норм, оценивать допустимость и законность собранных доказательств и выносить вердикты.

По сути, как указано в ч. 1 ст. 86 УПК РФ, вышеуказанные участники выполняют ряд следственных и процессуальных действий, направленных на сбор доказательств в рамках уголовного судопроизводства, что подчеркивает совместный характер процесса уголовного правосудия.

В рамках правовой системы Российской Федерации ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса определяет точное перечисление методов сбора доказательств, доступных адвокатам в соответствии с действующими законодательными нормами. Данное положение действует в рамках более широкого нормативно-правового поля, включающего, в частности, Федеральный закон №63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Примечательно, что ст. 6 Федерального закона №63 РФ предлагает расширенный репертуар методов сбора доказательств, применимых в рамках уголовного судопроизводства. Возникает явный диссонанс между

процессуальными директивами, закрепленными в Уголовно-процессуальном кодексе, и более широкими полномочиями, изложенными в Федеральном законе №63 РФ.

Однако этот кажущийся диссонанс примиряется положениями ч. 1 ст. 6 ФЗ № 63 РФ, которые утверждают, что прерогативы юристов, осуществляющих защиту или представительство в уголовном процессе, регулируются процессуальными нормами Российской Федерации [67].

Это разъяснение подчеркивает фундаментальный принцип: в контексте уголовного судопроизводства арсенал средств сбора доказательств, доступных адвокатам, ограничен положениями ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Это разграничение отменяет общие разрешения, предоставленные ст. 6 Федерального закона №63 РФ.

Следовательно, адвокаты ограничены в использовании только тех механизмов сбора доказательств, которые прямо санкционированы в вышеупомянутом разделе Уголовно-процессуального кодекса, что исключает использование более широкого спектра методик, которые могут быть разрешены законом.

Дискурс вокруг прав участия адвокатов в процессе уголовного правосудия характеризуется спектром точек зрения. Одна часть юридического сообщества выступает за динамичное участие адвокатов защиты на этапах сбора и изучения доказательств, включая допрос свидетелей и экспертов, а также перекрестный допрос свидетелей обвинения и сотрудников правоохранительных органов. Эта точка зрения отстаивает представление об адвокате как об активном участнике уголовного процесса, наделенном всеобъемлющими правами участия.

Напротив, другая фракция в юридической профессии представляет адвокатов защиты в более ограниченном качестве, считая их участниками процесса уголовного правосудия с ограниченными возможностями. С этой точки зрения, деятельность адвоката защиты должна ограничиваться подачей ходатайств, формулированием замечаний по вопросам доказывания и

изложением аргументов в ходе судебного разбирательства, без непосредственного участия в исследовании доказательств или допросе свидетелей.

Такое расхождение в профессиональных мнениях можно объяснить различиями в юридической интерпретации и концептуализации роли адвоката защиты в системе уголовного правосудия. Определение доказательственных прав и процессуального статуса адвоката защиты в конечном итоге решается судебными органами с учетом конкретных нюансов отдельных дел.

В области правового анализа существуют различные точки зрения относительно эволюции процессуальной роли адвоката как субъекта, ответственного за сбор и представление доказательств в уголовном процессе. В частности, одна группа правоведов утверждает, что изменения, внесенные новым Уголовно-процессуальным кодексом РФ, практически не изменили доказательственную роль, традиционно отводимую адвокату.

Данное утверждение выражается в том, что наделение адвокатов полномочиями по сбору и представлению доказательств в уголовном процессе не привело к существенному изменению их ранее существовавшего доказательственного статуса [18, с. 19-22].

В противовес этой позиции в настоящем документе утверждается, что такая точка зрения упускает из виду значительные достижения, заложенные в нынешней редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, эта законодательная база однозначно утвердила состязательную систему, определив четкие роли обвинения и защиты, тем самым отказавшись от прежней репрессивной процессуальной модели, которая исторически преобладала в стране.

Смена модели резко контрастирует с процессуальными нормами Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года, в котором возможности защиты по представлению доказательств были номинальными, в первую очередь из-за отсутствия законодательных положений о самостоятельном сборе доказательств защитником [61].

Практические трудности, возникающие при реализации этих процессуальных норм, в основном связаны с отсутствием четких, детальных норм, разграничивающих доказательственные полномочия адвоката. В частности, отсутствие установленных механизмов сбора доказательств может существенно ограничить доступ адвоката к важнейшей информации, необходимой для эффективной защиты.

Кроме того, отсутствие формализованных протоколов представления доказательств следственным органам может препятствовать обеспечению правовой защиты обвиняемого на предварительных стадиях судебного процесса. Кроме того, отсутствие стандартов оценки доказательств создает риск вынесения следственными или судебными органами дискреционных решений и субъективных предубеждений.

Для решения этих проблем необходимо внести законодательные изменения и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Такие изменения должны быть направлены на кодификацию обязанностей и полномочий адвокатов по доказыванию, что позволит вооружить их необходимыми механизмами сбора доказательств и установить прозрачные процедуры и критерии оценки доказательств. Принятие этой стратегии позволит значительно повысить справедливость судебных процессов и укрепить общее доверие к системе уголовного правосудия.

В центре дискуссии-противоречие между положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и положениями Федерального закона №63 РФ. В частности, речь идет о полномочиях, предоставляемых адвокатам в отношении получения информации и доказательств, которые могут быть признаны допустимыми в виде вещественных или иных доказательств в уголовном процессе [10].

Этот вопрос имеет двоякий путь решения, касающийся процессуальных методик, которых должны придерживаться адвокаты при сборе и представлении доказательств.

Первый вариант предусматривает кодификацию процедур сбора и представления доказательств в рамках действующего законодательства, подчеркивая, что такие доказательства должны оцениваться в совокупности со всеми материалами дела.

Второй подход, который, напротив, вызывает больше сторонников своей точностью, предлагает привести нормы Уголовно-процессуального кодекса в соответствие со ст. 6 Федерального закона №63 РФ. Это позволит разграничить роль адвоката, включив в нее сбор информации, имеющей потенциальную доказательственную ценность, до ее официального процессуального утверждения.

Обобщая эти выводы, можно сделать заключение, что в рамках уголовной юриспруденции адвокат рассматривается как неотъемлемый участник процесса доказывания. Это включает в себя сбор, проверку и рассмотрение доказательств в соответствии с действующими нормативными актами, регулирующими уголовное судопроизводство.

Глава 2 Участие защитника в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

2.1 Участие защитника в предварительном следствии и дознании. Участие в доказывании.

Участие адвоката на предварительном этапе дознания или следствия официально признается после предъявления полномочий адвоката, а именно ордера и удостоверения адвоката, уполномоченному следователю или дознавателю. С этого момента адвокат наделяется комплексом процессуальных прав и обязанностей в рамках данного дела.

Согласно Уголовно-процессуальным нормам Российской Федерации, участие защитника обязательно с начала стадии предварительного расследования, включающей в себя процессы дознания и следствия [2].

Роль защитника на этом важнейшем этапе заключается в обеспечении прав и законных интересов лиц, подозреваемых, обвиняемых и осужденных в рамках уголовного судопроизводства. Первостепенной обязанностью адвоката является соблюдение конфиденциальности информации, сообщенной подозреваемым, что позволяет сохранить неприкосновенность адвокатской тайны.

Роль адвоката в уголовном судопроизводстве заключается в обеспечении доказательств, которые могут снять или уменьшить вину подсудимого или осужденного, а также в предоставлении необходимой юридической помощи на протяжении всего уголовного процесса.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ разъясняет, что защитник профессионально аккредитованное лицо, на которое возложена обязанность обеспечивать права и интересы лиц, отнесенных к категории подозреваемых, обвиняемых, осужденных, путем оказания юридической помощи на стадиях уголовного судопроизводства.

С юридической точки зрения адвокат признается субъектом, наделенным юридической компетенцией защищать права и законные интересы лиц, привлеченных к уголовной ответственности, подозреваемых или осужденных, путем выявления доказательств, которые могут освободить или смягчить их уголовную ответственность, гарантируя им доступ к необходимой юридической помощи.

В соответствии с конкретной нормой ч. 2 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации мантию защитника может носить только лицо, имеющее официальное удостоверение адвоката [63].

Этимология термина «адвокат» восходит к латинскому «advocare», что означает призывать на помощь. Исторически термин «Advocatus» обозначает профессионального адвоката, который оказывает квалифицированные юридические услуги, включая консультации и представление интересов обвиняемого в судебном процессе [11, с. 16, 39, 106].

На основании Федерального закона №63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» гражданам присваивается звание адвоката, что позволяет им заниматься адвокатской деятельностью в соответствии с требованиями этого закона [63].

Данный закон, в частности, в статьях 9 и 15, определяет необходимые условия для получения статуса адвоката в Российской Федерации. К основным критериям относится наличие высшего юридического образования, полученного в признанном государством учебном заведении, или наличие диплома юриста.

Далее, претенденты должны иметь не менее двух лет профессиональной деятельности в юридической сфере или пройти юридическую стажировку продолжительностью от одного до двух лет [67].

Разрешение на занятие адвокатской деятельностью выдается после тщательной оценки квалификационной комиссией адвокатской палаты конкретного субъекта Российской Федерации. Эта оценка завершается

квалификационным экзаменом, успешная сдача которого приводит к признанию кандидата адвокатом.

После этого квалификационная комиссия информирует об этом местный орган юстиции. Затем этот орган вносит сведения об адвокате в региональный реестр и выдает официальное свидетельство, означающее официальное признание статуса адвоката.

Адвокат имеет возможность присоединиться к любой из юридических профессий, предусмотренных законом, в том числе:

- личная практика адвоката;
- членство в коллегии адвокатов;
- работа в адвокатском бюро;
- участие в юридическом консультировании.

На определение процессуальной позиции адвоката решающее влияние оказывает прагматическое обеспечение права обвиняемого на защиту или эффективность и компетентность, с которой защитник, наделенный определенным набором юридических прав и обязанностей, осуществляет свою деятельность. Такая оценка зависит от глубокого понимания правовой базы и умения эффективно ориентироваться в ней для защиты интересов клиента.

Для того чтобы прояснить нормативно-правовую базу, регулиующую профессиональный статус практикующих юристов, необходимо проанализировать комплексные составляющие, определяющие их юрисдикционные границы и операционные возможности. В рамках законодательства Российской Федерации глава 3 Федерального закона № 63 РФ определяет структурные основы профессионального статуса адвоката.

Правовая основа сформулирована в нескольких важнейших положениях, в частности, в статье 9, определяющей критерии и методики получения статуса адвоката, в статье 12, описывающей официальное присвоение этого статуса, и в статье 17, касающейся прекращения профессионального статуса адвоката.

Указанные нормативные акты, в частности, помогли А.Г. Кучерене синтезировать компоненты, которые в совокупности составляют правовое положение адвоката, заключая в себе:

- кодифицированные механизмы и основания для получения профессионального статуса адвоката;
- определенные права и обязанности, возлагаемые на адвокатов;
- предусмотренные процедуры и основания для приостановления и прекращения действия профессионального статуса;
- гарантии, обеспечивающие профессиональную автономию;
- рамки подотчетности, регулирующие деятельность практикующих юристов [24, с. 351].

В параллельном дискурсе Бессарабов утверждает, что современный состав статуса российского адвоката включает в себя:

- оперативные прерогативы адвокатов, включающие права, обязанности и способы их реализации;
- меры защиты профессиональной независимости;
- гарантии иммунитета для адвокатов;
- система ответственности за поведение адвоката.

Процессуальные аспекты приобретения и утраты статуса адвоката, как подчеркивает А.Г. Кучерена, несомненно, являются важнейшими. Однако их значение, скорее, носит процедурный или вспомогательный характер, способствуя выполнению общей функциональности юристов-профессионалов [6, с. 116].

Следовательно, суть роли адвоката заключается в поддержании независимой позиции против необоснованных или незаконных обвинений. В этом качестве адвокат сотрудничает с ответчиком, а не выступает в качестве доверенного лица. Адвокат не обязан доказывать невиновность подзащитного, если такая позиция не согласуется с фактической стороной дела.

В сфере юридического представительства адвокат не может признать вину своего клиента подтвержденной и обязан предотвратить значительные

юридические нарушения в интересах своего клиента. Адвокату необходимо согласовывать стратегии со своим клиентом, разъясняя ему возможность выбора альтернативного юридического представительства в отсутствие единогласного консенсуса.

Профессиональная деятельность адвоката может охватывать различные отрасли судебной системы, включая уголовное, гражданское и административное право, но не ограничиваясь ими. В рамках этих дисциплин адвокаты наделены особыми обязанностями и привилегиями, которые регулируются законодательными нормами и процессуальными предписаниями.

После официального привлечения к участию в юридическом деле адвокаты наделяются рядом привилегий, в том числе:

- привилегия проведения конфиденциальных консультаций с обвиняемым, не ограниченных по частоте или продолжительности;
- привилегия присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросе обвиняемого и в дальнейших следственных действиях с его участием;
- возможность знакомиться с протоколом задержания, постановлением об избрании меры пресечения, протоколами следственных действий, проведенных с участием обвиняемого или адвоката, документами, которые были или должны были быть предоставлены обвиняемому, а также с досье, направленными в судебные органы для обоснования законности и необходимости избранной меры пресечения, а именно заключения под стражу или досудебного содержания под стражей, а также ее продления.

Кроме того, после завершения расследования предоставляется полный доступ ко всем материалам дела, что позволяет извлечь данные в полном объеме.

- привилегия на представление доказательств.
- право возбуждать ходатайства.

- способность участвовать в рассмотрении жалоб, связанных с задержанием, лишением свободы или их продлением.
- участие в судебных разбирательствах на всех уровнях судебной системы, включая апелляционные суды для пересмотра дела.
- привилегия дисквалифицировать себя.
- право обжаловать действия и решения дознавателя, следователя, прокурора и судебных органов.
- использование любых дополнительных тактик защиты, соответствующих действующему законодательству.

Практикующий адвокат или защитник обязан придерживаться принципа конфиденциальности, гарантируя, что информация, полученная от клиента, не будет разглашена без прямого разрешения. Кроме того, этот специалист обязан вести себя честно и добросовестно, оказывая юридическую помощь, соответствующую высоким стандартам профессионализма. Нарушение этих обязанностей может повлечь за собой последствия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В ходе апелляционного разбирательства представители Гурьев, Конев и Урузбеков совместно со своими адвокатами добивались отмены приговоров, выступая за пересмотр дела в связи с выявленными процессуальными нарушениями. На этапе пересмотра были тщательно изучены протоколы допросов Конева и проверены его заявления на месте.

Адвокат Табуева принимала активное участие в этих процессах, параллельно обеспечивая юридические интересы Гурьева. Совпадение интересов Гурьева и Конева привело к принятию судебного решения об отстранении Табуевой от дальнейшего участия в деле, что и было установлено следственным органом.

Тем не менее, впоследствии Табуева была назначена представителем обоих лиц на предварительных слушаниях, а на стадии судебного разбирательства сосредоточилась исключительно на Гурьеве.

Такое развитие событий подчеркивает примечательную правовую проблему: первоначальный адвокат Конева, несмотря на очевидный конфликт интересов с другим клиентом, Гурьевым, переключился на защиту исключительно Гурьева.

Согласно указаниям, содержащимся в п. 3 ч. 1 ст.72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, адвокаты не вправе участвовать в уголовном судопроизводстве, если они оказывали или оказывают юридическую помощь любому лицу, интересы которого противоречат интересам представляемого ими подсудимого или обвиняемого [63].

Соблюдение этих правил привело к отмене приговора, вернув дело на стадию предварительного рассмотрения [8].

К тому же юридические представители обязаны сохранять конфиденциальность информации, полученной в ходе осуществления защиты, что предусмотрено ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, нарушение которой влечет за собой санкции, предусмотренные ст. 310 этого же законодательного акта.

Практикующие юристы обязаны неукоснительно соблюдать доктрину адвокатской тайны, охватывающую первоначальные консультации и весь последующий обмен информацией, относящейся к оказываемым юридическим услугам.

Согласно этому принципу, адвокаты не могут быть принуждены к даче показаний или допрошены в качестве свидетелей в связи с информацией, полученной ими в ходе юридического консультирования или представительства [20, с. 31].

В сфере юриспруденции автономия юриста-практика от контролирующих дело организаций, а также независимость от государственного аппарата являются обязательным условием эффективного выполнения им своих профессиональных обязанностей.

Именно этот основополагающий принцип, включающий в себя право действовать без внешнего влияния, закреплён в этической и моральной ткани юридической сферы. Он требует сочетания этической добросовестности, утонченной правовой этики и всеобъемлющего запаса профессионального чутья [58, с. 272].

Однако законодательство Российской Федерации, например ст. 18 Федерального закона №63 РФ, оставляет определения понятий «вмешательство» и «воспрепятствование» в юридическую деятельность несколько расплывчатыми, лишь задавая рамки, не вдаваясь в конкретные детали. Таким образом, оценка любого действия или халатности в отношении практикующих юристов требует индивидуального подхода, учитывающего возможные последствия как для адвоката, так и для его клиента.

Под понятием «вмешательство» понимается несанкционированное участие в юридическом процессе третьих лиц без согласия адвоката и его клиента, посягающее на конфиденциальность и целостность юридической консультации. С другой стороны, «воспрепятствование» относится к любым попыткам отдельных лиц помешать юридическим операциям путем создания препятствий, которые задерживают или ограничивают предоставление юридических услуг [11, с. 16, 39, 106].

Правовая база предусматривает механизмы противодействия адвокатам таким несанкционированным вторжениям или препятствиям через судебные, административные и дисциплинарные каналы. Необходимо признать, что энергичность и самоотверженность адвоката, хотя и достойны похвалы, сами по себе недостаточны для оказания квалифицированной юридической помощи.

Юридическая ответственность за неисполнение или некачественное исполнение профессиональных обязанностей лежит в основе адвокатской профессии, обеспечивая добросовестность и честность посредством многогранного арсенала правовых последствий [68, с. 87].

Как отмечает В.Л. Кудрявцев, адвокаты также являются носителями конституционной ответственности, если они отступают от своей главной обязанности - оказания квалифицированной юридической помощи, как это предусмотрено ст. 48 Конституции Российской Федерации и более подробно изложено в части 1 статьи 1 Федерального закона №63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Таким образом, на практикующих юристов возлагается конституционное обязательство оказывать каждому человеку квалифицированную юридическую помощь, что усиливает сакральность юридической адвокатуры в рамках общества.

В контексте правовой системы Российской Федерации механизмы ответственности практикующих юристов, в частности адвокатов, выходят за рамки традиционного конституционного права. Этот особый механизм регулируется положениями Федерального закона №63 РФ, который определяет нормативно-правовую базу для юридической профессии.

Закон предусматривает, что любое отклонение или несоблюдение профессиональных обязательств по оказанию юридической помощи может привести к отзыву лицензии у адвоката, тем самым сводя на нет его способность выполнять эти конституционные обязанности [23, с. 15].

Изучая оперативную динамику правовой защиты в рамках уголовного судопроизводства, следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в частности статья 53, описывает полный набор прерогатив, предоставляемых адвокатам.

Эти привилегии вступают в силу с момента официального вступления в уголовное дело и позволяют адвокату выполнять многогранную роль, которая включает, но не ограничивается следующим:

- беседовать с подозреваемым или обвиняемым наедине и конфиденциально, без ограничений по частоте и продолжительности, обеспечивая доступность этой возможности даже перед первичными допросами;

- получать и представлять доказательства, необходимые для судебной защиты, охватывая широкий спектр действий, таких как получение вещественных предметов, документов и других форм данных; проведение интервью после получения согласия; истребование официальных документов от различных организаций, обязанных выполнять такие запросы; привлечение специалистов для проведения экспертизы;
- активно участвовать в ключевых процессуальных моментах, таких как оглашение обвинения, допросы и другие следственные процедуры с участием обвиняемых, выступая от их имени;
- доступ и изучение всей документации, имеющей отношение к содержанию под стражей и судебному разбирательству в отношении обвиняемого, включая протоколы следственных действий и решения о мерах пресечения;
- ознакомиться со всеми материалами дела по окончании предварительного следствия, с правом выемки и воспроизведения документов для целей защиты;
- заявлять ходатайства и возражения, участвовать в процессе вынесения решений во всех инстанциях судебной системы, включая апелляционную и надзорную инстанции, а также оспаривать любые видимые процессуальные или судебные несоответствия;
- применять любую тактику защиты, прямо не запрещенную Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Это всеобъемлющее перечисление прав защиты подчеркивает процессуальные гарантии, призванные способствовать эффективному оказанию юридической помощи, обеспечивая адвокатам возможность всесторонне защищать своих клиентов в рамках системы уголовного правосудия Российской Федерации.

В рамках судебного разбирательства, в частности на стадии следствия, роль адвоката защиты определяется определенными привилегиями и

ограничениями. К ним относятся предоставление кратких консультаций своему клиенту под наблюдением следователя, право задавать вопросы участникам следственного процесса с разрешения контролирующего следователя, а также право документировать замечания, касающиеся достоверности и полноты официального протокола следственного действия. Следователь обязан приобщить все отклоненные им запросы к официальному протоколу процессуального действия.

Разработка стратегии защиты в уголовном процессе требует от адвоката методичного и стратегического подхода. Это подразумевает тщательный отбор важнейших фактических и юридических элементов из совокупности материалов дела, которые, в свою очередь, определяют последующее участие адвоката в судебном процессе.

Системный подход к защите включает в себя несколько этапов, каждый из которых основывается на глубоком понимании стратегии обвинения и ответчика, подкрепленном тщательным анализом имеющихся доказательств.

Способность адвоката обеспечить всестороннюю защиту значительно повышается благодаря доступу к полным материалам дела в их окончательном виде, поскольку эти документы будут тщательно изучаться в ходе судебного разбирательства. Иногда адвокаты могут получить информацию о предполагаемом преступлении до окончания предварительного следствия.

Источниками такой предварительной информации обычно являются:

- заявления обвиняемого относительно обвинения, выдвинутого следственными органами;
- сведения, полученные от лица, ведущего предварительное расследование;
- копии официальных протоколов следственных действий с участием клиента;
- показания свидетелей и потерпевших, полученные адвокатом самостоятельно с их согласия;

- судебные решения и постановления, предоставленные следственными органами;
- содействие других обвиняемых, проходящих по тому же делу;
- оценки, полученные от юридических представителей сторон, являющихся соучастниками обвинения в параллельных процессах.

Эта система подчеркивает многогранность подготовки к защите, подчеркивая исключительную важность раннего и всестороннего доступа к материалам дела и стратегического использования предварительной информации для формирования эффективной тактики защиты.

Сбор оперативной информации из перечисленных источников может дать практикующим юристам более глубокое представление об уголовном судопроизводстве. Тем не менее достоверность и полнота информации, полученной по таким каналам, зачастую недостаточны, что приводит к искаженному представлению о текущем правовом сценарии. Искажение данных может быть обусловлено множеством факторов.

Лица, участвующие в деле, в том числе обвиняемые, подозреваемые и уже осужденные, могут путано пересказывать события или давать прежние показания, что часто усугубляется опьянением во время совершения преступления или применением незаконных методов принуждения сотрудниками правоохранительных органов при получении первых признаний.

Кроме того, нельзя недооценивать трудности, связанные с расшифровкой юридических документов, таких как обвинительные заключения или судебные решения, особенно для обвиняемых, страдающих неграмотностью, и следует отметить, что у значительной части лиц, подвергающихся уголовному преследованию, наблюдаются симптомы психических расстройств. Эта реальность подчеркивает важность тщательной проверки информации, предоставляемой клиентами, что требует перекрестных ссылок на альтернативные источники данных.

В контексте информации, полученной от сотрудников прокуратуры, необходимо признать их состязательную роль по отношению к адвокатам защиты. Возможность намеренной дезинформации или выборочного раскрытия данных этими структурами требует критической оценки их вклада. Кроме того, дополнительные сложности возникают при взаимодействии с обвиняемыми или их законными представителями.

Такие обмены, регулируемые этическими нормами, зависят от прямого согласия клиентов, а это условие не всегда достижимо. Этот сложный комплекс соображений подчеркивает необходимость того, чтобы адвокат защиты подходил к информации, связанной с делом, с проникательным, аналитическим мышлением, обеспечивая полное и точное понимание динамики дела.

Применительно к уголовному судопроизводству неточности в показаниях свидетелей и обвиняемых могут быть обусловлены двумя основными факторами: недостаточным пониманием юридических процедур и состязательным отношением к адвокату.

Чтобы снизить риски, связанные с искажением показаний, юристы часто советуют своим клиентам ссылаться на статью 51 Конституции РФ. Это положение защищает человека от самообвинения, позволяя ему отказаться от дачи показаний, которые могут навредить ему самому.

С точки зрения стратегии, обвиняемому целесообразно отложить дачу показаний до стадии судебного разбирательства. На этом этапе любые заявления могут быть тщательно сопоставлены с совокупностью доказательств, собранных обвинением, что сведет к минимуму возможные расхождения в изложении версии защиты. Преждевременные показания подвержены последующим изменениям, требующим корректировки в свете накапливающихся уличающих доказательств.

Такие изменения обычно интерпретируются судебными органами как признаки уклонения от уголовной ответственности, косвенно уличающие

обвиняемого. Такая трактовка основана на том, что правдивость должна по своей природе не иметь существенных противоречий.

Соответственно, юристы выступают за то, чтобы отложить дачу показаний до той стадии, когда можно будет представить последовательный и непротиворечивый рассказ, за исключением случаев, когда речь идет о чрезвычайных обстоятельствах.

Первоначальное воздержание от дачи объяснений, а затем обоснованное, последовательное изложение к кульминации судебного процесса рекомендуется вместо итеративных корректировок на этапах расследования и судебного разбирательства. Тем не менее, привилегией воздержания от дачи показаний нельзя пользоваться.

Непосредственные показания, не противоречащие другим доказательственным материалам, могут быть уместны при определенных условиях, в частности, когда такие показания могут подтвердить непричастность обвиняемого к предполагаемому преступлению. В первую очередь это касается доказательств, относящихся к алиби обвиняемого.

В делах с участием нескольких обвиняемых с различными интересами или в ситуациях, когда обвиняемый может быть не в состоянии дать четкие показания из-за замешательства или других факторов, давать показания, как правило, не рекомендуется.

После получения данных, которые представитель закона сочтет достоверными, необходимо выделить основные элементы, указывающие на предполагаемые преступные действия. Этот процесс предполагает расчленение инкриминируемого поведения на отдельные сегменты, каждый из которых имеет свое этическое значение в рамках процесса уголовного правосудия.

Ключевыми элементами, на которых следует сосредоточиться, являются те процессуальные несоответствия, которые заставляют пересмотреть квалификацию преступления. В качестве примера можно привести оценку

похищенных товаров, которая проходит по демаркационной линии, разделяющей значительные и особо значительные суммы.

Такое разграничение напрямую влияет на юридическую квалификацию. В ответ на это можно добиться понижения стоимости указанного имущества, возможно, путем проведения оценки, свидетельствующей об ощутимом снижении стоимости предмета, или сославшись на нормы амортизации активов, числящихся в корпоративной бухгалтерской книге.

Другая стратегия может включать в себя запрос справки из статистических бюро, отражающей среднюю рыночную цену сопоставимых активов, если оценка истца покажется чрезмерно завышенной. Девальвация похищенного имущества до суммы менее 25 000 рублей может привести к изменению обвинения со статьи 158, часть 3, на часть 2 Уголовного кодекса РФ, что позволит сократить максимальный срок наказания с шести до пяти лет.

Стратегии защиты в уголовном процессе, основанные на этих ключевых элементах, разработаны таким образом, чтобы сберечь процессуальные силы участвующих сторон. Кроме того, они дают адвокату необходимую проницательность для точной оценки возможных исходов дела.

В отсутствие структурированного подхода к защите адвокат может либо упустить потенциальные пути защиты из-за сложной задачи одновременного освоения обширного массива процессуальных данных, что может привести к бездействию и упущению тактических и стратегических возможностей, либо приступить к фрагментарной защите, оспаривая каждый процессуальный момент вне зависимости от его значимости.

Хотя такая исчерпывающая защита может служить для затягивания этапа расследования, ее полезность зависит от того, соответствует ли затягивание процесса общим целям защиты.

Если говорить о стратегии уголовной защиты, то достижение позиции повышенного авторитета требует целенаправленного и избирательного подхода, а не защиты по всем фронтам. Оспаривая каждый аспект версии о

нарушении порядка, адвокаты рискуют ненароком укрепить мнение суда о том, что их клиент использует все возможные тактики, чтобы избежать уголовной ответственности.

Оптимальная стратегия защиты предполагает выделение и концентрацию на наиболее жизнеспособных и эффективных способах защиты. Они должны быть подкреплены существующими или потенциально возможными, релевантными и допустимыми с юридической точки зрения доказательствами.

Стратегическая победа часто достигается путем разрушения версии обвинения по ключевому вопросу, имеющему решающее значение для юридической квалификации предполагаемого преступления. Это может привести к смягчению наказания или, возможно, полностью свести на нет уголовное обвинение против подсудимого.

Это утверждение подтверждается стратегией, которую часто применяют опытные юристы, особенно в делах, связанных с имущественными преступлениями, такими как кражи со взломом и грабежи. Важнейшим первоначальным шагом является изучение материалов дела с целью выяснить, существовали ли между ответчиком и истцом ранее какие-либо знакомства или финансовые споры. Установление факта наличия долговых отношений может перевести обвинение из разбоя или кражи в акт произвола.

Последнее влечет за собой значительно меньшее наказание, а в случаях с несовершеннолетними обвиняемыми может привести к прекращению уголовного преследования. Это обусловлено возрастным порогом уголовной ответственности, который наступает с 16 лет для актов произвола, в отличие от более низкого порога в 14 лет для обвинений в разбое и грабеже.

Кроме того, тщательный анализ обстоятельств, связанных с предполагаемым несанкционированным проникновением в жилище, может дать существенные преимущества для защиты.

Когда человек добровольно разрешает другому войти в его жилище, такое разрешение юридически признается согласием, что фактически сводит

на нет любые обвинения в несанкционированном проникновении в соответствии с положениями статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В отсутствие дополнительных осложняющих факторов такое согласие исключает возможность судебного разбирательства по вышеупомянутым обвинениям в соответствии с указанным законом.

Для повышения эффективности и справедливости уголовного судопроизводства важной стратегией является усиление принципов состязательности и равноправия между спорящими сторонами. Усиление этих принципов зависит от точного распределения обязанностей между сторонами по сбору и представлению доказательств. Кроме того, необходимо четко сформулировать права, которыми наделяются стороны, и установить рамки для их применения.

Принципы состязательности и паритетности, закрепленные в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, отчасти проявляются через законодательно закрепленную возможность адвоката собирать доказательства.

Более того, в статье 73 очерчен круг обстоятельств, требующих проверки (так называемый «предмет доказывания» в уголовном процессе), включающий в себя:

- реальное совершение противоправного деяния, включая его хронологические и географические параметры, методику совершения и другие отличительные признаки преступления;
- причастность лица к совершению преступления, включая характер его вины и мотивы, лежащие в основе преступления;
- характеристики, определяющие личность обвиняемого;
- масштабы и последствия ущерба, причиненного преступной деятельностью;
- элементы, отрицающие противоправную и наказуемую сущность деяния;

- аспекты, смягчающие или отягчающие наказание (указаны в ст. ст. 61-63 УК РФ) [60];
- обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности и карательных мер.

В контексте выделения элементов, инициирующих уголовное преследование, крайне важно проанализировать методологию сбора доказательственной базы, предусмотренную Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

В частности, Кодекс выделяет следующие неотъемлемые элементы собирания доказательств:

- заявления лиц, находящихся под подозрением или официально обвиняемых;
- показания потерпевших и очевидцев;
- оценки и интерпретации, предлагаемые судебными экспертами;
- вещественные доказательства;
- протоколы с подробным описанием следственных и судебных действий;
- сопутствующая документация.

Эта система подчеркивает важнейшую роль доказательной базы в судебном процессе и одновременно указывает на ключевую обязанность адвоката ориентироваться в сложностях, связанных с получением и представлением доказательств. Такой подход способствует укреплению устойчивости и эффективности судебной системы.

Согласно положениям ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса РФ, доказательства считаются недопустимыми, если они отклоняются от установленных в ней процессуальных норм.

Следовательно, любое доказательство, признанное несоответствующим, лишается юридической силы и становится недействительным для целей предъявления обвинения или установления фактических обстоятельств, как указано в статье 73 данного Кодекса.

Дальнейшее разъяснение содержится в Указании № 8 Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [7].

Согласно этому указанию, доказательства считаются незаконно полученными, если их получение или сохранение нарушает конституционные права граждан или установленные правовые протоколы. Этот критерий также охватывает случаи, когда доказательства собираются или сохраняются организациями, не имеющими необходимых полномочий, или с использованием методик, противоречащих законодательным предписаниям.

В соответствии с Протоколом судебного заседания Верховного Суда Российской Федерации, обозначенным как Процессуальная позиция № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [7], судьи обязаны тщательно проверять допустимость доказательств в каждом конкретном случае.

Это требование обуславливает необходимость глубокого анализа законности приобретения доказательств, в частности в отношении нарушений, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно положениям ч. 2 ст. 53 и ч. 3 ст. 86 вышеуказанного Кодекса, адвокат наделен полномочиями по сбору доказательств различными способами. Эти методы, в частности, включают в себя получение вещественных доказательств, сбор документов и массивов данных, проведение интервью с лицами, давшими согласие, и запрос необходимых документов у организаций, как государственных, так и негосударственных, которые обязаны выполнять такие запросы [62, с. 4921].

Такое положение однозначно наделяет адвоката возможностью активно участвовать в стадии сбора доказательств при расследовании уголовных дел, как это предусмотрено ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Тем не менее, реализация этой прерогативы практикующими юристами на начальных стадиях дела зависит от участия в уголовном процессе официально назначенных субъектов.

В частности, статья 86 (часть 1) Кодекса возлагает на этих субъектов обязанность по сбору доказательств путем проведения следственных и процессуальных действий, тем самым косвенно исключая адвокатов из этого перечислительного предписания.

Следовательно, любые материалы и документы, представленные адвокатом, подлежат приобщению к материалам дела в качестве доказательств только с согласия следственного органа. Приобщение любого доказательства к следственному досье требует тщательного обоснования, предполагающего точное разъяснение условий и контекста, связанных с его получением.

На начальных этапах расследования обязанность по созданию протоколов следственных действий, признаваемых Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации допустимыми доказательствами в рамках уголовного судопроизводства, возлагается исключительно на следователя или должностное лицо, осуществляющее допрос.

Часть 3 статьи 86 УПК РФ определяет виды доказательств, которые вправе собирать и представлять адвокат. При этом перечень доказательственных материалов, допустимых в уголовном процессе (сформулированный в части 2 статьи 74 УПК РФ), не охватывает доказательства, представленные адвокатом [39, с. 7-9].

В связи с этим М.А. Фомин предложил внести в статью 74 УПК РФ изменение, направленное на гармонизацию доказательственного значения материалов, полученных адвокатом, как это предусмотрено частью 3 статьи 86, с материалами, полученными субъектами уголовного преследования.

Согласно данному изменению, доказательства, собранные адвокатом, должны приобщаться к материалам уголовного дела не в виде официального

ходатайства, а в виде уведомления следователя или прокурора с указанием собранных доказательств.

Данное изменение предполагает, что следователь, дознаватель, прокурор не просто вправе, а обязан приобщить представленные адвокатом доказательства к материалам дела для их дальнейшего изучения и оценки в порядке ст. 87 УПК РФ [70, с. 32.].

Адвокатам предоставлена существенная прерогатива проведения опроса лиц (с их согласия), которые, как предполагается, обладают соответствующими знаниями по рассматриваемому делу. Этот процесс получения информации может быть оформлен в виде письменного протокола, что позволит адвокату впоследствии представить «опросный документ» в суд или другой соответствующий орган, что может привести к необходимости официального допроса собеседника.

Данная процедура, известная как «опрос защитником лиц, давших согласие», определена п. 2 ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как способ собирания уголовно-процессуальных доказательств. Несмотря на то, что данное право закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве, его практическая реализация остается недостаточно обеспеченной законодательной базой.

В частности, законодатель установил ограничения на круг субъектов собирания доказательств (ст. 74, ч. 1 ст. 86 УПК РФ), фактически ограничив процессуальные возможности адвоката по допросу свидетелей защиты и приобщению их показаний к материалам дела.

При применении данной прерогативы практикующим юристам необходимо проявлять осторожность, чтобы избежать перехода в роль, которая лишает их права выступать в качестве законных представителей, например, стать свидетелем или занять любую процессуальную позицию, которая отрицает их правовое положение [11, с. 16, 39, 106].

По критическому замечанию П.А. Лупинской, результаты таких допросов адвокатов не отвечают важнейшему критерию допустимости

доказательств. Этот недостаток объясняется не процессуальным способом и формой сбора и сохранения информации [27, с. 815].

Кроме того, в п. 2 ч.3 ст. 86 УПК РФ указано, что объектом допроса адвоката является не свидетель, а «лицо». В связи с этим защитник, не имея полномочий на проведение следственных действий, не вправе предупреждать допрашиваемого о возможной уголовной ответственности по ст. ст. 307, 308 УК РФ [60] и разъяснять последствия этих правовых норм. Это связано с тем, что лицо, допрашиваемое стороной защиты, формально не предоставляет доказательств, а лишь передает определенную информацию.

По сути, информация, полученная адвокатом в результате опроса лица с его согласия, является альтернативным доказательством по делу.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации важнейшими компонентами судебного следствия являются несколько формальных действий. Эти действия включают в себя:

- подача ходатайства, как указано в статьях 119 и 120;
- подача жалобы, как указано в статье 123;
- получение сведений о лице, предоставленных добровольно и при содействии адвоката, в соответствии с п. 2 ч 3 ст. 86 УПК РФ;
- получение экспертных заключений, особенно актуальных при назначении судебной экспертизы до официального возбуждения уголовного дела;
- направление адвокатского запроса, обязывающего всех соответствующих должностных лиц предоставить адвокату-заявителю запрашиваемые документы или их заверенные дубликаты в срок, не превышающий одного месяца с момента получения запроса [28, с. 59].

Такие расследования, проводимые юристами, помогают собрать оправдательные или смягчающие доказательства, имеющие отношение к защите клиента. Собранные таким образом доказательные материалы имеют решающее значение, поскольку они могут быть приобщены к материалам

уголовного дела и потенциально повлиять на исход судебного разбирательства, способствуя вынесению оправдательного или более мягкого приговора по сравнению с тем, который был бы вынесен исключительно на основании доказательств обвинения.

Начало участия адвоката в уголовном деле знаменуется важным подготовительным диалогом с клиентом. Этот основополагающий шаг, называемый предварительной беседой, крайне важен для выработки стратегии защиты. Пренебрежение значимостью этой первоначальной консультации или ее поверхностное рассмотрение может негативно сказаться на эффективности защиты.

На этом подготовительном этапе перед адвокатом стоят следующие задачи:

- выяснить у подзащитного детали, которые отсутствуют в имеющихся материалах дела;
- выработать единую позицию по делу;
- подготовить клиента к даче показаний;
- информирование клиента о его юридических правах и обязанностях.

Такой тщательный подход подчеркивает критическую роль следственных действий и подготовительных мероприятий адвоката в формировании траектории уголовного дела, тем самым подчеркивая сложный баланс между процессуальными формальностями и стратегическим исполнением тактики защиты.

В ходе первоначального диалога с клиентом, которому предъявлены уголовные обвинения, необходимо четко сформулировать ожидаемый протокол поведения во время судебного разбирательства. Эти рекомендации крайне важны, поскольку лица, в отношении которых ведется уголовный процесс, часто демонстрируют не только нежелание подчиняться, но и конфронтационное отношение к участникам процесса, в частности к потерпевшим и свидетелям.

Работа с доказательной базой уголовного дела требует тщательной перекрестной проверки хронологии, связанной с каждым процессуальным действием. Это предполагает аннотирование даты и времени создания каждого документа, встречающегося в материалах дела.

Такие несоответствия, как совпадение времени создания документов или отсутствие временных разрывов между документами, составленными в разных местах, свидетельствуют о процессуальных нарушениях.

Обнаружив расхождения или процедурные аномалии в документах расследования, юрисконсульт должен воздержаться от поспешных требований принять меры по исправлению ситуации. Такие документы могут быть изменены следственными органами для исправления отмеченных нарушений.

Вместо этого заявления о процессуальных нарушениях должны быть официально представлены в ходе досудебных слушаний или на стадии судебного следствия, когда следственный орган не имеет права вносить изменения в досье.

Важнейшим элементом подготовительной работы по судебной защите является тщательная проверка взаимодействия со свидетелями на этапе расследования. Очень важно точно задокументировать данные свидетелей и впоследствии установить коммуникативный контакт после передачи дела в судебное разбирательство. Нередки случаи, когда свидетели якобы не участвовали в следственных действиях или находились на расстоянии (например, в служебной командировке или отпуске).

Кроме того, упускать из виду допрос свидетелей нежелательно. Несмотря на некоторые исключения, свидетели, как правило, не заинтересованы в результатах расследования и могут, благодаря сочувственному отношению, дать подтверждающие показания, полезные для защиты.

Нередко свидетели рассказывают о случаях, когда правоохранительные органы инструктировали их по поводу процессуальных формальностей, например места подписания документов.

Перечисление привилегий, предоставляемых адвокатам защиты на процессуальных стадиях предварительного следствия и дознания, однозначно свидетельствует о том, что законодательная база предоставляет им значительную свободу действий в формировании процесса доказывания.

Однако порядок реализации этих привилегий не имеет четкой регламентации, что подчеркивает необходимость интерпретационного применения, основанного на накопленном опыте защиты на стадии предварительного расследования [74, с. 37].

Изучение нюансов назначения защитников, в том числе родственников и иных неюридических лиц, выявляет многогранность правового ландшафта. Часть 1 статьи 49 УПК РФ устанавливает критерии, по которым лицо может выступать в качестве защитника, призванного обеспечивать права и законные интересы подозреваемого или обвиняемого, а также оказывать юридическую помощь в ходе уголовного судопроизводства.

Дальнейшее изучение части 2 статьи 49 проясняет законодательный замысел, позволяющий адвокатам выполнять роль защитника в уголовных делах. Тем не менее, доступность квалифицированного юридического представительства остается недостижимой для широких слоев общества.

Под влиянием множества внешних факторов, таких как социально-экономический статус, личные убеждения и чрезвычайные жизненные обстоятельства, часть людей предпочитает поручить свою защиту неюридическим лицам, включая родственников, защитников гражданского общества или другие уважаемые организации.

Данное решение подчеркивает субъективную прерогативу, закрепленную в высшем нормативном порядке Конституции Российской Федерации, утверждающей суверенное право на судебную защиту с момента начала судебного разбирательства [21].

Анализируются смысловые нюансы и последствия использования терминов «адвокат» и «защитник» в юридическом дискурсе на примере Конституционного совещания 1993г. важнейшего события в формировании

Конституции Российской Федерации. Цель исследования выявить намерения и ход мыслей разработчиков Конституции в отношении этих терминов.

В центре дискуссий на конференции была статья 48, вокруг которой велись согласованные усилия по внесению поправок, ограничивающих право на юридическое представительство исключительно адвокатами, зарегистрированными в адвокатских конторах. Однако эти предложения были встречены единодушным неодобрением.

Единодушное мнение против таких поправок было обусловлено опасением, что введение этих ограничений непреднамеренно откроет путь к возникновению эксклюзивных профессиональных кругов или гильдий в юридическом сообществе, тем самым ограничивая доступ и разнообразие в профессии.

Такая исключительность, в свою очередь, лишит права голоса практикующих юристов, не связанных с адвокатами, установив фактический монопольный контроль над оказанием юридической помощи. Кроме того, было подчеркнуто, что ограничение юридического представительства только членами коллегии адвокатов в ходе предварительного расследования неоправданно ущемит права граждан.

Напротив, предложенный проект статьи, допускающий участие на этих стадиях лиц, не являющихся членами коллегии адвокатов, получил признание за соблюдение принципа самостоятельного выбора юридического представительства [22, т. 4, с. 16-17, 110-116; т. 19, с. 56].

В примечательном комментарии представителя регионального органа государственной власти подчеркивается первостепенная важность обеспечения права человека на выбор независимого защитника в соответствии с его личными убеждениями. В этом комментарии подчеркивалась озабоченность по поводу потенциальной независимости существующих правовых систем от влияния государства.

Поэтому предоставление людям возможности обратиться за представительством либо к адвокату, либо к независимому юристу было

признано важнейшим аспектом реализации права на защиту [22, т. 4, с. 16-17, 110-116; т. 19, с. 56].

В результате этих рассуждений было признано, что создатели Конституции Российской Федерации стремились обеспечить фундаментальное право человека на свободный выбор юридического представительства. Это намерение проявляется в нюансированном определении понятия «защитник» в контексте части 2 статьи 48 Конституции.

Здесь этот термин намеренно расширен за пределы узкой классификации «адвокат», чтобы охватить любую выбранную форму юридического представительства, включая тех, кто не связан с адвокатурой. Это расширение не только включает в себя разрешение на услуги адвокатов, не связанных с адвокатурой, но и открывает возможности для различных уровней юридической помощи.

Расширенный анализ терминов «защитник» и «адвокат» подтверждается авторитетной точкой зрения Института русского языка имени Виноградова Российской академии наук (РАН). В этом разграничении термин «адвокат» классифицируется как относящийся исключительно к лицам, имеющим профессиональную аккредитацию в области права.

Напротив, термин «защитник» применяется в широком смысле и охватывает любое лицо, активно участвующее в юридическом представительстве или защите интересов другого лица в рамках судебной системы.

2.2 Проблемы участия защитника в доказывании при разрешении вопроса об избрании меры пресечения

Система правосудия, включающая в себя судебных чиновников и представителей закона, в 2019г. всесторонне рассмотрела 106046 ходатайств о заключении под стражу. Значительное большинство из них, 94633 или 89,2%, было удовлетворено.

Напротив, меньшая часть, в общей сложности 10233 ходатайства, не соответствовала необходимым критериям для утверждения. В то же время, в 217822 обращениях содержались просьбы о продлении сроков содержания под стражей. Из них подавляющая часть, 211284 или 96,99%, была удовлетворена, а меньшая часть, 4761, была отклонена [40].

Этот статистический обзор дает представление о процессуальных механизмах подхода российской судебной системы к досудебному содержанию под стражей. Высокие показатели одобрения свидетельствуют о тенденции использования заключения под стражу в качестве превентивной меры в рамках судебного процесса.

Механизмы, используемые российскими юристами-практиками при вынесении решений о предварительном заключении или его продлении, хорошо задокументированы. Однако стабильность и эффективность этих процедур являются предметом споров.

Историческая практика, изложенная в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, требовала, чтобы прокуроры утверждали решения следователей о заключении под стражу. Это требовало тщательного изучения материалов уголовного дела, доказательственной базы и оценки действий обвиняемого до вынесения каких-либо важных процессуальных решений.

Согласно современной правовой системе России, изложенной в Уголовно-процессуальном кодексе, судьи наделены правом определять целесообразность применения различных мер пресечения, включая заключение под стражу, домашний арест и залог. Однако эта автономия не распространяется на критический анализ качества доказательств или обоснованности обвинений.

Статья 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает, что при принятии судебных решений о мерах пресечения должна учитываться тяжесть инкриминируемого преступления. Это положение подчеркивает принцип, согласно которому тяжесть преступления является ключевым фактором при рассмотрении дела судом.

Тем не менее, существует заметное противоречие, поскольку судебные органы преимущественно принимают утверждения обвинения за чистую монету без тщательного изучения их оснований.

В ответ на это процессуальное несоответствие практика Европейского суда по правам человека оказала существенное влияние на российскую правовую практику, создав основу для судебной проверки оснований для подозрений в причастности лица к преступлению.

Верховный суд РФ в Постановлении № 41 от 19.12.2013г. разъяснил, что задержание как мера пресечения может рассматриваться только после того, как достоверность подозрения будет твердо установлена.

Согласно постановлению, «обоснованное подозрение» должно быть подтверждено весомыми доказательствами, связывающими человека с преступной деятельностью.

Таковыми доказательствами могут быть задержание в момент совершения преступления или вскоре после него, опознание жертвой или свидетелями, а также обнаружение инкриминирующих материалов во владении или собственности человека [50].

Эта эволюция процессуальных требований свидетельствует о постоянных усилиях по совершенствованию юридической практики, обеспечивающей соблюдение принципов правосудия и прав обвиняемого при применении мер пресечения, что способствует повышению целостности правового процесса в России.

В рамках судебного надзора необходимо, чтобы изучение доказательств, касающихся причастности подозреваемого к преступному деянию, выходило за рамки простого признания предварительных выводов следствия.

Судебные органы, особенно при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, обязаны тщательно изучить ходатайство и прилагаемые к нему документы на предмет наличия неопровержимых доказательств участия обвиняемого в предполагаемой

преступной деятельности. Этот тщательный анализ должен быть четко отражен в судебном решении.

Игнорирование глубокой проверки и оценки доказательственной базы подозрений в причастности лица к преступлению является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, прямо нарушающим часть 4 статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Такой надзор влечет за собой необходимость отмены любых судебных постановлений о заключении под стражу в качестве меры пресечения.

Кроме того, в ходе судебного разбирательства, направленного на установление обоснованности подозрений в причастности лица к преступлению, суду крайне важно воздерживаться от обсуждения вопроса о виновности обвиняемого.

Эта доктринальная позиция была закреплена в постановлении Конституционного суда РФ от 24.03.2015 года по делу № 676-О. Постановление устанавливает процессуальные правила применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, прямо запрещая судебным органам делать предварительные выводы о виновности обвиняемого [38].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует точное определение понятия «обоснованное подозрение» - важнейшего термина в судопроизводстве.

Европейский суд по правам человека попытался восполнить этот пробел в определении понятия в своих постановлениях, в частности, от 30 августа 1990 года по делу «Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства», от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей против Соединенного Королевства», от 19 мая 2004 года по делу «Гусинский против Российской Федерации» и от 28 февраля 2002 года по делу В.М. Лабзовой против Российской Федерации.

В этих решениях в совокупности разъясняется, что «обоснованное подозрение» должно основываться на фактических данных или информации,

достаточных для того, чтобы убедить непредвзятого наблюдателя в потенциальной преступной деятельности соответствующего лица. Обоснованность этого понятия определяется в контексте всей ситуации [29].

В дальнейшем Европейский суд по правам человека истолковал пункт 1 статьи 5, раздел «с» Европейской конвенции о защите прав человека, касающийся законного задержания или содержания под стражей, указав, что следственные органы не обязаны накапливать убедительные доказательства для предъявления обвинения в момент или во время задержания лица.

Проводится существенное разграничение между порогом доказательств для ареста и порогом, необходимым для предъявления официальных обвинений или вынесения приговора на более поздних стадиях судебного разбирательства.

Это разграничение подчеркивает важный принцип: первоначальные подозрения, дающие основания для ареста, не требуют доказательств, необходимых для последующего официального обвинения или осуждения, что устанавливает критическое различие в системе процессуального правосудия.

Концепция «обоснованности» играет важную роль в этой системе, обозначая порог, который должен быть преодолен, чтобы убедить беспристрастного наблюдателя в потенциальной законности обвинений. По мере увеличения срока содержания под стражей критерий достаточности доказательств повышается.

Этот принцип воплощен в конкретном судебном примере: решении Суда по делу «Королева против Российской Федерации» (13 ноября 2012 года), в котором утверждается, что, хотя обоснованное подозрение в преступной деятельности является необходимым условием для первоначальной и дальнейшей законности задержания, простое течение времени делает это подозрение недостаточным.

Следовательно, Суд обязан оценить, имелись ли дополнительные, «обоснованные и достаточные» основания для продолжения содержания под

стражей, и тщательно проанализировать следственное усердие национальных властей [43].

Такое толкование служит балансу между необходимостью обеспечения общественной безопасности и преследования преступлений и защитой прав личности от произвольного задержания, тем самым подтверждая процессуальные гарантии, заложенные в Европейской конвенции о правах человека.

Что касается обоснованности скептицизма, то здесь необходимо признать тонкости, заложенные в процессуальную основу, которая на практике оказывается чрезвычайно запутанной.

Проверка доказательств требует тонкого понимания, особенно юристами и практикующими юристами, стандартов доказывания виновности, закрепленных в ч. 1 ст. 171 Уголовно-процессуального кодекса РФ (согласно которой обвинение лица в совершении преступления зависит от наличия достаточных доказательств, указывающих на его причастность) и ч. 4 ст. 302 того же кодекса (утверждающей, что обвинительный приговор должен основываться не на предположениях, а на всесторонней оценке доказательств, подтверждающих преступные действия обвиняемого в ходе судебного разбирательства).

Кроме того, необходимо пояснить, что для многих остается непонятным минимальный порог, применяемый при оценке достоверности подозрений о причастности лица к преступлению. Во исполнение указаний Верховного Суда РФ судебный корпус принял стандартные формулировки для утверждения о достоверности подозрений в причастности к преступлению, основанных на протоколах допросов и следственных действий. Однако такие утверждения зачастую не содержат содержательных деталей, ограничиваясь указанием на характер доказательственного материала, что создает видимость проверки.

Дополнительным препятствием является отсутствие четкого руководства по проведению таких экспертиз. Утверждение о том, что статья

87 Уголовно-процессуального кодекса, определяющая процесс проверки доказательств как сопоставление и подтверждение доказательств в рамках уголовного дела различными правовыми органами, может оказаться недостаточным, становится очевидным.

В частности, ускоренные и сокращенные протоколы оценки доказательств при определении (или продлении) мер пресечения не дают судебным органам возможности тщательно исследовать доказательства, сопоставляя их с другими материалами дела, проверять их происхождение, подтверждать или оспаривать данные доказательства.

В контексте судебного пересмотра в условиях ограниченных временных параметров и отсутствия установленных оценочных ориентиров судьи вынуждены оценивать законность утверждений, чтобы, ссылаясь на решение Европейского суда от 24 мая 1989 года по делу «Хаушилдт против Дании» [72], предварительно определить степень виновности. Этот процесс по своей сути предрасполагает судебную экспертизу к потенциальным недостаткам.

Проблема, с которой сталкиваются адвокаты, стоит остро, учитывая распространенную среди правоохранительных органов тактику стратегического завышения категорий преступлений, приписываемых подозреваемым. В частности, вместо преступлений, относящихся к категории «коммерческих», за которые в соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ не предусмотрено заключение под стражу, предъявляются обвинения в мошенничестве в особо крупном размере, что способствует избранию меры пресечения в виде заключения под стражу исходя из предполагаемой тяжести предъявленного обвинения.

Зафиксированы случаи, когда лицам, действовавшим в порядке самообороны или при превышении ее пределов, ошибочно предъявлялись обвинения в таких преступлениях, как убийство (ст. 105 УК РФ) или причинение тяжких телесных повреждений (ст. 111 УК РФ) [61], что приводило к их необоснованному предварительному заключению.

Такой процессуальный результат во многом обусловлен ограниченными возможностями судебной системы, по тщательной оценке, обоснованности предъявленных обвинений, что статистически приводит к 99% вероятности продления срока содержания под стражей после избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Европейский суд неоднократно подчеркивал первостепенную важность защиты свобод граждан от незаконного задержания в демократических рамках, как это предусмотрено статьей 5 Конвенции. Было прямо заявлено, что любое лишение свободы должно соответствовать как основополагающим процессуальным принципам национального законодательства, так и целям статьи 5 главным образом, оградить человека от капризов правительства.

Действующая система российского уголовно-процессуального законодательства подвергается критике за недостаточность, а то и полное отсутствие мер защиты от подобного произвола со стороны правоохранительных органов. Этот недостаток требует от защитников повышенной бдительности и активного участия в оспаривании квалификации обвинения, а также в защите от необоснованных задержаний и их продления в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, стратегическая ориентация адвокатов должна характеризоваться точностью и методичностью при прохождении через все хитросплетения правовых проблем, возникающих в ходе следственных и прокурорских действий.

Заключение под стражу в качестве меры досудебной безопасности допустимо только после того, как судебная проверка подтвердит достоверность обвинений в причастности человека к конкретному преступному деянию, а не к каким-либо предполагаемым будущим проступкам.

Данный момент зависит от того, в каком преступлении обвиняется человек. Учитывая, что каждое правонарушение соответствует отдельной

норме Уголовного кодекса Российской Федерации, можно оценить правильность квалификации преступления.

Орган прокуратуры призван выносить уголовно-правовое суждение в момент возбуждения уголовного дела или при рассмотрении вопроса о задержании подозреваемого, или, наоборот, при официальном признании лица обвиняемым.

В рамках судебной системы и системы защиты при оценке обоснованности подозрения, связывающего человека с преступным деянием, действует единственное ограничение: явное уклонение от рассмотрения вопроса о виновности человека.

Соответственно, адвокат защиты сохраняет свободу действий, чтобы в своих убедительных аргументах критиковать процессуальную безупречность действий как следователя, так и дознавателя.

В сфере правового анализа уместной иллюстрацией может служить сценарий, когда сторона обвинения выдвигает против физического лица обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации.

При этом в процессе формулирования обвинения сторона обвинения не обосновывает, что поведение подсудимого привело к существенному нарушению прав и законных интересов физических и юридических лиц, охраняемых интересов общества или государственного аппарата.

По сути, в обвинении выделяется деятельность, не соответствующая законодательному замыслу или сфере применения указанной статьи закона. В этих условиях на адвоката возлагается обязанность обратить внимание судебной власти на это несоответствие.

В случаях, когда человеку предъявляются обвинения по части 2 статьи 162 вышеупомянутого правового кодекса, относящейся к краже, совершенной с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, часто выдвигаются дополнительные обвинения в нападении, сопровождающем ограбление.

Иногда правоохранительные органы могут ошибочно трактовать стандартные деловые сделки как преступные, оценивая их через призму статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, тем самым приписывая криминальный элемент законным коммерческим сделкам.

Обязанность защитника заключается в тщательной проверке таких обвинений, направленной на тщательное изучение и оспаривание оснований, на которых обвиняется его клиент, с представлением обоснованной критики судебным органам.

Такая проверка становится более простой, если к моменту ее проведения истек срок давности уголовного преследования или если существуют обоснованные причины для прекращения дела, такие как амнистия или отсутствие официальной жалобы от предполагаемой жертвы, если возбуждение дела зависело от ее просьбы.

И наоборот, анализ становится сложным, когда документы, оформляющие уголовное обвинение или донос, кажутся юридически обоснованными. В этом случае защита должна скрупулезно проверить соответствие этих документов правовым нормам путем изучения конкретных категорий доказательств.

Целесообразность такой следственной проверки хорошо известна: например, защита может тщательно изучить показания потерпевшего (или свидетеля) против предъявленного обвинения. Если эти показания свидетельствуют о менее тяжком преступлении, это позволяет оспорить обвинение, продемонстрировав следствию приверженность правомерности связи подозреваемого с преступлением.

Кроме того, возможны ситуации, когда прокурор ходатайствует о заключении обвиняемого под стражу по ч. 4 ст. 228.1 УК РФ [60], связанной с распространением наркотиков в крупном размере, но при этом не представляет суду важнейшие доказательства, например экспертизы.

Аналогичным образом, попытка задержания лица на основании причинения тяжких телесных повреждений без убедительных доказательств

судебно-медицинской экспертизы не имеет материально-правовой основы для подтверждения совершения лицом преступления, предусмотренного статьей 111 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Вопрос о том, обладает ли адвокат, в отличие от следственного органа, возможностью представлять новые доказательства в ходе судебного заседания для обоснования невинности лица или оспаривания его причастности к преступлению, представляет собой тонкую, хотя и процессуально значимую проблему.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации ничего не говорит по этому вопросу. Тем не менее, конституционные принципы, подчеркивающие равенство и состязательность процесса, однозначно действуют.

В этом контексте защита должна не только воспользоваться своей прерогативой, но и выполнить свою обязанность вызвать у судьи сомнения в правдивости обвинений, выдвинутых прокурором. Такой подход крайне важен для эффективного противодействия утверждениям о «тяжести преступления» как единственном убедительном аргументе.

Хотя судебная власть может молчаливо согласиться с точкой зрения защиты на ошибочное уточнение обвинения, такое признание не будет прямо выражено в ее постановлении. Однако это признание может повлиять на определение подходящей меры пресечения.

Судебное разбирательство предписывает не делать презумпций по вопросам, которые потенциально могут стать основой для будущих судебных споров. Существует судебная конвенция, запрещающая судам преждевременно оценивать достоверность обвинений, поскольку это может поставить под угрозу последующее беспристрастное рассмотрение дела. Эта гарантия необходима для сохранения автономии судебной власти и ее объективной оценки дел, по существу.

Показательным примером реализации данного принципа могут служить действия Дзержинского городского суда Нижегородской области.

Постановлением от 10.12.2015г. в отношении подсудимого Б.В.С. судом была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Обосновывая свое решение, суд сослался на совершение Б.В.С. грабежа, предусмотренного ст. 161 ч. 2 п. «г» УК РФ.

Данный акт ссылки на конкретное преступное поведение в обоснование меры пресечения был впоследствии тщательно проверен и исправлен Нижегородским областным судом 31.12.2015г., который изменил первоначальное постановление суда, исключив спорные ссылки из описательной и мотивировочной частей решения [4].

Данное дело наглядно демонстрирует исключительную важность соблюдения процессуальных норм для обеспечения честности и беспристрастности судебного процесса.

В рамках рассмотрения вышеупомянутой темы важное значение имеет решение Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), вынесенное 20.09.2011г. Это особенно актуально в контексте дела «Федоренко против Российской Федерации» (жалоба № 39602/02) [44].

Примечательно, что суд принял решение о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу, сославшись на совершение Федоренко тяжкого уголовного преступления. Однако впоследствии это описание было признано «технической ошибкой» при пересмотре дела вышестоящим судом.

ЕСПЧ подчеркнул нарушение принципа презумпции невиновности - основополагающего постулата судопроизводства, согласно которому любой досудебный комментарий общественного деятеля, указывающий на виновность обвиняемого, представляет собой предвзятое суждение без юридического подтверждения вины.

Проведя анализ, Европейский суд подчеркнул важность осторожного и точного использования формулировок государственными органами до официального установления вины на юридическом форуме в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Конвенции.

Идеальным сценарием с точки зрения защиты было бы признание судом в приговоре, что представленные в суде доказательства не подтверждают подозрения в причастности обвиняемого к предполагаемой преступной деятельности, хотя такие случаи, по сообщениям, редки.

Отказавшись от оценки правомерности обвинения и выразив скептическое отношение к нему, представитель судебной власти может отклонить ходатайство о заключении под стражу. Такое действие соответствует основной задаче судебной власти и гарантирует, что обсуждение достоверности обвинения будет отложено до стадии досудебного расследования, где оно будет рассмотрено в контексте предварительной доказательной базы.

Для повышения эффективности судебных решений необходимо, чтобы правозащитники проводили активный и тщательный анализ всех доказательств и материалов, представленных следователями. Это предполагает критическую оценку правомерности обвинений и уместности юридических классификаций. Такая тщательность помогает направлять судебные органы на вынесение юридически обоснованных и справедливых вердиктов.

Ярким примером, иллюстрирующим последствия слабого надзора в данном контексте, является приговор апелляционной коллегии Краснодарского краевого суда по делу № 22-7589/2019, вынесенный 29.10.2019г. [3].

В данном приговоре содержится критический анализ прецедента, созданного Октябрьским районным судом г. Краснодара при принятии решения о продлении срока содержания под стражей в отношении лица, обозначенного как «Т», в рамках меры пресечения.

Суть вопроса заключалась в том, что суд низшей инстанции опирался на широко сформулированное обоснование ходатайства следователя, лишённое тщательной критики и обоснования продления срока содержания под стражей.

Суд не провел тщательной оценки конкретных обстоятельств или доказательств, которые могли бы служить основанием для продления меры пресечения.

Этот недосмотр привел к тому, что суд не смог должным образом обосновать необходимость продления срока содержания под стражей, что свидетельствует о существенном упущении в тщательном соотнесении собранных доказательств с преобладающими подозрениями.

Решением обозначенных проблем является введение в судебную систему должности следственного судьи. Такая фигура будет обладать неограниченными полномочиями по оценке правильности классификации обвинений и виновности подсудимых в ходатайствах о начале или продлении меры пресечения. Эта реформаторская мера обещает устранить существующие процессуальные недостатки, но до ее реализации практикующие юристы сохраняют возможность оспаривать правовую квалификацию действий в судебных заседаниях, касающихся задержания.

В случаях, когда такое оспаривание вызывает негативную реакцию суда, уместно подчеркнуть основную цель деятельности по правовой защите. Она заключается в том, чтобы помочь суду подтвердить причастность человека к совершенному преступлению и тем самым подчеркнуть критический характер преступления, в связи с которым обвиняемый рассматривается на предмет продления срока содержания под стражей.

Этот принцип служит не только защитой для обвиняемого, но и краеугольным камнем для поддержания целостности и подотчетности судебного процесса.

Глава 3 Участие защитника в доказывании на судебных стадиях уголовного судопроизводства

3.1 Проблемы реализации защитником полномочий по доказыванию на судебных стадиях уголовного судопроизводства

В контексте уголовного судопроизводства в Российской Федерации роль адвоката регулируется положениями статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса. Данная нормативно-правовая база предусматривает участие защитника в судебном процессе, обеспечивая его деятельность в качестве равноправного партнера обвинительной власти.

В основные обязанности адвоката входит использование всех доступных правовых инструментов и стратегий защиты для выявления фактов, которые могут оправдать его клиента или привести к снижению тяжести грозящих ему уголовных последствий. Несмотря на эти указания, нередко можно наблюдать случаи, когда юридические представители занимают менее активную позицию, тем самым не в полной мере отстаивая интересы своих клиентов.

Яркой иллюстрацией этого является апелляционное производство по делу ответчика Ярыгина в Ленинском районном суде г. Иркутска. По данному делу Кировский районный суд отменил условное осуждение Ярыгина, выдал санкцию на его арест и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на один год с отбыванием в его отсутствие.

В центре этой правовой проблемы оказался адвокат подсудимого, который в ходе судебного разбирательства согласился с ходатайствами стороны обвинения, не представив никаких контраргументов и обоснований, по сути, не оспорив отмену условного наказания.

В результате этой оплошности было нарушено законное право Ярыгина на всестороннюю защиту, предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, и Иркутский областной суд признал

приговор районного суда недействительным и направил дело на новое рассмотрение [52].

На протяжении всего судебного процесса адвокаты наделены рядом прав, включая подачу ходатайств, изложение позиции своего клиента по предъявленным обвинениям и представление фактов, которые могут смягчить наказание обвиняемого. Важно отметить, что современная правовая среда позволяет адвокатам представлять в ходе судебного разбирательства доказательства, которые ранее не были раскрыты на досудебной стадии.

В юридическом сообществе признаются случаи, когда адвокаты могут представить суду доказательства или утверждения сомнительной достоверности. Это особенно актуально в тех случаях, когда такие доказательства потенциально могут уменьшить предполагаемую виновность подсудимого. Эта стратегия, хотя и спорная, подчеркивает, на что могут пойти представители закона, добиваясь защиты своего клиента, хотя и в рамках юридической этики и процессуального права.

В сфере правового анализа заметной концепцией является различие в правилах допустимости доказательств. Это несоответствие проявляется в представлении доказательств в судебные органы без необходимой аутентификации со стороны признанных авторитетов. При анализе роли адвоката защиты на судебных стадиях наблюдается заметное расхождение с функциями, выполняемыми на досудебных стадиях.

В частности, на стадии предварительного расследования доступ адвоката к информации ограничивается ограниченным кругом источников. Эти источники включают в себя взаимодействие с клиентом и изучение документов, регулирующих процесс расследования с участием клиента. Следовательно, на этом этапе адвокат лишен возможности заниматься проверкой подлинности и оценкой доказательств, содержащихся в уголовном досье.

Напротив, на стадии судебного разбирательства адвокат защиты получает полное представление о доказательствах, представленных стороной

обвинения. Это позволяет адвокату активно участвовать в проверке, анализе и, как следствие, влиять на оценку доказательств.

Стадия судебного разбирательства характеризуется принципами устности и прозрачности исследования доказательств, что резко контрастирует с досудебной стадией, на которой доминируют конфиденциальность и документальные процедуры. Участие адвоката защиты в процессе доказывания означает активное взаимодействие с уполномоченными органами по получению и представлению информации, имеющей доказательственное значение.

Цель усвоения этой информации двояка: выявить факторы, которые могут смягчить или, наоборот, усугубить вину клиента. Рассмотрение взаимодействия адвоката с доказательствами в судебном контексте требует изучения методологий, регулирующих оценку доказательств, представленных обеими сторонами [31, с. 20].

Такой анализ подчеркивает трансформацию роли адвоката защиты из пассивного получателя в активного участника диалога о доказательствах, подчеркивая стратегические последствия допустимости доказательств и ключевую функцию защиты в формировании результатов судебного разбирательства.

В условиях судебного разбирательства, особенно во время перекрестного допроса подсудимого в зале суда, адвокатам защиты необходимо выстраивать стратегию своих вопросов с целью выявления оправдательных доказательств и обстоятельств, которые могут смягчить вину подсудимого. Юридический представитель должен заблаговременно прогнозировать возможные вопросы со стороны обвинения после допроса, таким образом составляя свои вопросы, чтобы упредить любые стратегии обвинения, которые могут подорвать защиту его клиента.

В случае возникновения разногласий между сообвиняемыми в рамках уголовного процесса защите крайне важно воздержаться от обвинительных вопросов, сосредоточившись на выяснении фактов, беспристрастно

описывающих рассматриваемый инцидент. Допрос потерпевших и свидетелей со стороны защиты должен быть тщательно спланирован, чтобы получить ответы, которые однозначно подтверждают версию обвиняемого.

Главная цель таких допросов получить от допрашиваемых полные и беспристрастные показания, а также выявить любые расхождения в показаниях различных свидетелей или между показаниями свидетелей и предполагаемой жертвы. В ходе судебных дебатов защита имеет возможность представить свои аргументы после обвинения, что является тактическим преимуществом, способствующим тщательному опровержению утверждений обвинения.

При подготовке заключительного аргумента защита должна подчеркнуть характер подсудимого и доказать невероятность причастности своего клиента к преступному деянию, а в случае признания вины утверждать, что это деяние было отклонением, не отражающим характер подсудимого. Защита должна тщательно анализировать доказательства по уголовному делу, обеспечивая стратегически продуманный подход к проверке доказательств.

На предварительных этапах судебного разбирательства, особенно на стадии сбора доказательств, предшествующей самому процессу, роль адвоката защиты включает в себя стратегическую последовательность действий.

Вначале адвокат тщательно изучает доказательства обвинения, а затем инициирует ходатайства о вызове свидетелей, проведении дополнительных экспертиз и представлении дополнительных доказательств или документов, собранных в ходе следствия.

В обязанности адвоката входит тщательный анализ доказательств, представленных стороной обвинения. Этот анализ проводится в соответствии с принципами, закрепленными в процессуальных нормах системы уголовного правосудия, согласно которым каждое доказательство должно быть оценено по таким критериям, как:

- относимость;
- допустимости;

- достоверности;
- достаточности [31, с. 20].

Законодательство определяет конкретные стороны, наделенные полномочиями по оценке доказательств, прямо включая судебные органы, но исключая из этой прерогативы адвокатов защиты. Как следствие, судебные решения часто отвергают точку зрения защиты на оценку доказательств, при этом в приговорах часто указывается: в соответствии со статьями 17, 87, 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации суд оценил доказательства, представленные в настоящем приговоре.

В рамках заключительных аргументов адвокат защиты может представить критику или новую интерпретацию доказательств, представленных обвинением. Однако эти аналитические соображения, как правило, не принимаются во внимание судебным органом при вынесении приговора.

Обоснованием такой практики является понимание того, что подобная критика представляет собой вторичное рассмотрение доказательств обвинения через призму защиты, не имея достаточного судебного веса, чтобы оспорить достоверность, допустимость или значимость этих доказательств.

Следовательно, это не подрывает доказательную базу настолько, чтобы решить дело в пользу защиты.

С эмпирической точки зрения можно заметить, что юридические органы часто игнорируют тщательную проверку стороной защиты доказательств обвинения. Такой подход подчеркивает негласное восприятие роли адвоката, в первую очередь как помощника обвиняемого в реализации его конституционного права на судебную защиту [25, с. 24].

Такое разграничение делает акцент на процессуальном аспекте юридического представительства, а не на содержательной оценке доказательств с точки зрения защиты.

Несмотря на то, что адвокат защиты оценивает доказательства во время заключительных аргументов, эта деятельность не признается в качестве

законодательно закрепленного процесса, что приводит к ее недосмотру со стороны суда. Хотя уголовно-процессуальное законодательство выступает за состязательность и паритет сторон, практическая реализация не дает адвокату возможности официально оценивать доказательства это привилегия остается за стороной обвинения, и судьи предпочитают использовать ее в своих решениях.

Более того, законодательная база не позволяет адвокату ни оценивать, ни проверять подлинность доказательств. Защита должна разработать стратегию представления доказательств в соответствии с выбранной тактикой защиты и в консультации со своим клиентом.

Заключительные аргументы служат для адвоката последним шансом сформулировать анализ дела и убедить судей, представляя собой решающий момент адвокатуры [13, с. 462-464]. Этот этап представляет собой краткое изложение позиции защиты по фактам дела, хотя и в рамках ограничений, налагаемых существующей правовой системой, которая отводит на второй план их доказательную оценку.

В процессе судебного разбирательства адвокату необходимо тщательно проанализировать ситуацию и доказательства, которые могут уменьшить юридическую ответственность подзащитного или полностью освободить его от нее. Это включает в себя:

- показания свидетелей;
- анализ, проведенный специалистами;
- вещественные доказательства;
- государственные документы и др.

В рамках уголовного процесса, если имеются данные, подтверждающие невиновность обвиняемого или умаляющие его вину, адвокат обязан выявить и разъяснить доказательственное значение этих данных.

В самом начале процесса обращение к присяжным так называемый тактический маневр адвоката, направленный на формирование у них благоприятного предрасположения. При подготовке аргументов защиты

адвокату необходимо тщательно выстроить порядок представления доказательств.

Традиционно рекомендуется отложить перекрестный допрос обвиняемого, отрицающего свою вину, до момента подтверждения достоверности утверждений обвинения [16].

Такой методологический подход к рассмотрению доказательств, особенно в судах присяжных, помогает сформировать беспристрастное суждение присяжных, упрощает процесс судебного разбирательства и минимизирует затраты ресурсов участников судебного процесса.

Важно признать, что в ходе суда присяжных изучение информации о криминальной истории подсудимого или его зависимости от психоактивных веществ строго запрещено, чтобы не допустить предвзятого отношения к подсудимому. Роль адвоката заключается в том, чтобы донести до суда и присяжных факты, свидетельствующие о невиновности подсудимого [64, с. 1124].

Кроме того, на протяжении всего процесса рассмотрения дела судом присяжных защита имеет право ходатайствовать об отклонении доказательств, признанных недопустимыми. Этот шаг является основополагающим для защиты присяжных от информации, признанной недопустимой в ходе судебного разбирательства.

Действующие законы предусматривают исключение доказательств, полученных незаконным путем, до их представления присяжным, что позволяет оградить присяжных от такой информации и способствовать вынесению справедливого вердикта [33, с. 32-36].

В ходе судебного разбирательства запрещается обсуждать с присяжными любые доказательства, которые были исключены [19, с. 297-301]. В настоящее время существует правовая неопределенность в отношении критериев недопустимости доказательств, что приводит к неудовлетворению ходатайств, подаваемых адвокатами в судах присяжных. Это подчеркивает

необходимость законодательного уточнения четкого определения нарушений закона, которые являются основанием для исключения доказательств.

В сфере юриспруденции участие адвокатов в доказательственной стадии судебного разбирательства требует анализа, охватывающего как судебную, так и апелляционную инстанции. В настоящее время в ст. 389.14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации отсутствуют четкие положения о рассмотрении замечаний сторон в судах апелляционной инстанции.

Это упущение обуславливает необходимость законодательной реформы, а именно внесения поправки, дополняющей указанную статью новым разделом, который условно обозначен как часть 2, а существующая статья будет переведена в часть 3. Это изменение направлено на официальное закрепление права юридических сторон на ответ в рамках апелляционного производства [29].

Размышляя о более широких последствиях участия адвокатов защиты в цикле подготовки доказательств, можно сделать несколько важных замечаний. Во-первых, доказательственные материалы, собранные защитой, включая вещественные предметы и свидетельские показания, приобретают статус доказательств после их официального представления следователем.

В частности, вещественные предметы становятся доказательствами после их официального представления следователем, а показания лиц, опрошенных защитой, признаются таковыми только после официального допроса следователем.

Следует отметить, что адвокаты защиты, несмотря на свои возможности по сбору документов и предметов, не имеют процессуальных полномочий для самостоятельной квалификации этих предметов в качестве доказательств. Получение таких материалов зависит от добровольного сотрудничества их владельца.

Стадия судебного разбирательства требует от адвокатов активной позиции в процессе представления доказательств. Их роль выходит за рамки

простого возражения на обвинения и включает в себя представление, обобщение и критическое изучение собранных доказательств.

Такое всестороннее участие играет важную роль в построении версии о невинности подсудимого или смягчении тяжести возможных уголовных наказаний. Конечная цель адвоката в данном процессуальном контексте предоставить судебным органам убедительные доказательства невинности подзащитного, заложив тем самым основу для возможного оправдания.

3.2 Проблемы исключения доказательств как недопустимых и по инициативе защитника

По общему мнению, специалистов в области права, основой уголовного судопроизводства является тщательный сбор и исследование доказательственных материалов. Среди юридической братии преобладает мнение В.А. Лазаревой о том, что процесс доказывания пронизывает все стороны уголовно-процессуальной деятельности, являясь важнейшим компонентом полномочий обвинителя в системе уголовного правосудия [69, с. 87-91].

В действующей парадигме уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации можно выделить несколько направлений, требующих совершенствования. Учитывая ключевую роль, которую играет процесс сбора и анализа доказательств в уголовном судопроизводстве, настоятельная необходимость устранения и исправления этих процессуальных малоэффективностей ощутима.

Статья 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в первой части определяет, что доказательствами в уголовном судопроизводстве являются любые сведения, используемые судебными, прокурорскими и следственными органами для установления достоверности или ложности фактов, связанных с делом, а также другие существенные сведения о деле [63].

Напротив, статья 75 того же кодекса определяет критерии легитимности доказательств, утверждая, что доказательства, полученные в результате процедур, противоречащих установленным правовым протоколам, считаются недействительными.

Пленум Верховного суда РФ дополнительно разъяснил это предписание, указав, что доказательства, собранные с нарушением гарантированных Конституцией прав граждан или правовых основ собирания и хранения доказательств, не принимаются во внимание [34].

Однако практическое применение этих правил исключения доказательств сталкивается с проблемами, в основном обусловленными недостатками самого Уголовно-процессуального кодекса.

Судебный прецедент подтверждает принцип, согласно которому ходатайства об исключении незаконно полученных доказательств обычно рассматриваются в ходе слушаний дела по существу.

При этом на предварительных слушаниях, касающихся заключения под стражу или продления срока содержания под стражей, возникает процессуальный пробел, когда защита якобы лишена этого права, что свидетельствует о процессуальном дисбалансе в обеспечении законных прав.

В центре дискуссии о правомерности ходатайств об отклонении доказательств в рамках уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации находится толкование статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса наряду с постановлением Верховного суда № 41 от 19.12.2013г. Данное постановление касается применения таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест и залог.

Часть экспертов-юристов, среди которых есть как судьи, так и прокуроры, утверждает, что в нынешней законодательной структуре не хватает четких указаний по исключению доказательств, [50] что приводит к судебному процессу, который, по мнению некоторых, неумолимо ведет к виновности, делая любые дальнейшие стратегии защиты бесполезными и даже нежелательными.

Тем не менее, такая критика может не признать важнейший элемент, заложенный в статье 50, часть 2 Конституции Российской Федерации, которая недвусмысленно заявляет: «При осуществлении правосудия недопустимо использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» [21].

Это положение подчеркивает основополагающий принцип, согласно которому судебные действия, в том числе решения о начале или продлении срока содержания под стражей, являются проявлением судебной власти, действующей в рамках обширной сферы правоохранительной деятельности государства.

Отсутствие прямого указания на исключение доказательств в статье 108 не препятствует подаче и рассмотрению таких ходатайств судебными органами. Это упущение следует интерпретировать в контексте динамики функционирования правовой системы, где отсутствие конкретного процессуального правила не отрицает существования прав или процедур, которые стали неотъемлемой частью судебной практики благодаря установленным нормам и принципам.

По сути, когда процессуальные особенности не исчерпывающе перечислены в законодательном тексте, судебная власть имеет право по своему усмотрению восполнить эти пробелы, ссылаясь на общие принципы уголовно-процессуального права.

Такой адаптивный подход гарантирует, что судебный процесс будет соответствовать меняющемуся ландшафту юридических прав и обязанностей, укрепляя тем самым верховенство закона и справедливое отправление правосудия.

В моем анализе прослеживается основной принцип, согласно которому основы справедливой юриспруденции требуют подачи ходатайств об отклонении доказательств, полученных незаконным путем, в ходе судебных обсуждений вопроса о содержании под стражей или его продлении.

Это утверждение опирается на директиву, изложенную в пункте 2 Постановления № 41, в котором говорится, что заключение под стражу в качестве стратегии предосторожности допустимо только после судебного подтверждения подозрений относительно участия лица в преступном деянии.

Такое обоснованное подозрение должно быть основано на реальных доказательствах причастности лица к преступлению (например, задержание вовремя или сразу после совершения преступления; опознание преступника жертвой или очевидцами; обнаружение неопровержимых доказательств преступной деятельности на вещах или в помещениях подозреваемого) [50].

К тому же судебным органам необходимо признать, что оценка предполагаемого участия подозреваемого в преступной деятельности выходит за рамки простого одобрения первоначальных выводов следствия, предполагающих виновность.

В процессе рассмотрения ходатайств о предварительном заключении под стражу в качестве меры принуждения судья обязан скрупулезно выяснить, раскрывают ли ходатайство и подтверждающие его документы конкретные детали, уличающие человека в преступном поведении, и включить эту оценку в свое постановление.

Недосмотр мирового судьи при проведении такой критической проверки и оценки подозреваемого на предмет его причастности к преступлению должен быть расценен как существенное нарушение уголовно-процессуальных норм (ч.4 ст. 7 УПК Российской Федерации), влекущее за собой отмену любых постановлений о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения.

Определение причастности лица к преступным действиям зависит от тщательности проверки и подтверждения доказательств и конкретной информации, предусмотренных судебными протоколами.

Такая проверка осуществляется в строгом соответствии со статьей 87 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предписывающей всестороннее исследование доказательств.

Кроме того, оценка проводится в соответствии с положениями статьи 88, подчеркивающей важность рассмотрения каждого доказательства на предмет его относимости, законности и достоверности. В совокупности доказательства должны достигать порога достаточности для вынесения решения по уголовному делу, как указано в первой части статьи 88.

Помимо этого, часть вторая определяет случаи, как указано в статье 75, когда доказательства, признанные судебными или прокурорскими органами недопустимыми, должны быть отброшены.

Постановление № 41, в частности пункт 21, разъясняет критерии продления сроков содержания под стражей на любой стадии уголовного процесса. В нем подчеркивается, что суды должны подтвердить наличие условий, оправданных статьей 97, подкрепленных достоверной информацией и доказательствами [50].

Прокуратура Верховного Суда Российской Федерации категорически определяет следственные документы как важнейшие доказательства, требующие судебной оценки на предмет допустимости, в соответствии с руководящими принципами статьи 88.

Более подробно о недопустимых доказательствах говорится в части первой статьи 108, где особо подчеркивается, что решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу должны основываться на конкретных фактических обстоятельствах, проверенных в судебном заседании. Она прямо запрещает включать непроверенные результаты оперативно-розыскных мероприятий, которые противоречат директивам статьи 89.

Эта правовая база также дает возможность оспорить включение результатов оперативно-розыскных мероприятий в качестве доказательств, если они были представлены незаконно.

Часть четвертая статьи 88 прямо наделяет судебные органы полномочиями признавать доказательства недопустимыми либо по ходатайствам сторон, либо самостоятельно, что регулируется статьями 234 и

235. Это положение гарантирует, что ходатайства об исключении доказательств ограничиваются стадией предварительного слушания, укрепляя процессуальную целостность и справедливость судебного процесса.

23.09.2006г. Конституционный суд Российской Федерации вынес определение № 154-О, которым отклонил жалобу Дружинина Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных гарантий, в частности, статей 75, 88, 109, 152 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В решении подчеркивается, что процессуальные недостатки доказательств могут быть устранены не только на предварительном следствии, но и на различных стадиях [36].

Это определение согласуется с конституционной гарантией недопустимости принятия доказательств, полученных незаконным путем, подчеркивая необходимость активного отсеивания таких доказательств в процессе уголовного судопроизводства. Эту превентивную меру можно сравнить со сдерживанием вируса, подобного COVID-19, на его начальной стадии, чтобы избежать более широкого распространения.

Критическая проблема возникает, когда судебные деятели упускают из виду законность доказательств при рассмотрении ходатайств о задержании, что может привести к необоснованному лишению свободы без серьезных правовых оснований.

Данное постановление еще раз подчеркивает неотделимость судебной власти от процесса принятия решения о допустимости доказательств в ходе следственных действий. Пренебрежение этой обязанностью подрывает юридическую силу решения, нарушая принцип законности, закрепленный в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. В частности, часть 3 статьи 7 предписывает исключать доказательства, полученные с процессуальными нарушениями со стороны судебных или следственных органов.

Доказательства, подтверждающие причастность к преступлению, должны выдерживать судебную проверку, подтвержденную допустимыми способами, такими как следственные документы или показания экспертов.

Например, если следователь использует протокол допроса свидетеля, в котором отсутствует указание на привлечение к уголовной ответственности по ст. 307 и ст. 308 УК РФ [60], в качестве угрозы обвиняемому, защита вправе оспорить законность этого доказательства. Председательствующий судья обязан дать оценку таким возражениям, укрепляя роль судебной власти в обеспечении правовых процедур и прав.

В аналитических рамках судопроизводства опасения по поводу исключения доказательств на предварительной стадии могут быть восприняты как потенциальное нарушение целостности оценки доказательств в ходе рассмотрения дела по существу. Однако такие опасения во многом необоснованны.

В соответствии с процессуальными предписаниями, изложенными в статье 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, акт исключения доказательств признается несудебным и имеет неоспоримую силу только при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (ее избрании или продлении).

Необходимо признать, что суд, рассматривающий уголовное дело, не ограничен такими предварительными решениями и сохраняет за собой право по своему усмотрению пересмотреть вопрос о допустимости ранее исключенных доказательств. Данная прерогатива прямо закреплена в ч. 7 ст. 235 УПК РФ, которая устанавливает, что на стадии судебного разбирательства по ходатайству стороны суд вправе вновь рассмотреть вопрос о допустимости ранее исключенных доказательств.

При рассмотрении ходатайств следователей, исходя из представленных доказательств, суд способен выявить несколько основных фактических обстоятельств:

- возможность уклонения лица от судебного разбирательства, подтвержденная такими фактами, как сделки с имуществом на территории Российской Федерации, наличие доходов или имущества за рубежом, наличие гражданства другого государства, отсутствие стабильных жилищных, профессиональных или семейных связей на территории Российской Федерации;
- вероятность продолжения преступного поведения, подтвержденная документами о предыдущих судимостях за умышленные преступления, которые остаются непогашенными;
- возможность того, что обвиняемый или подозреваемый представляет угрозу для свидетелей или других участников процесса, пытаясь скомпрометировать доказательства или иным образом воспрепятствовать уголовному процессу. Сюда относятся случаи запугивания, указанные в протоколах допросов или других документах, которые свидетельствуют о попытках обвиняемых, их родственников или сообщников принудить свидетелей, потерпевших, экспертов или других участников процесса к манипулированию доказательствами или вовлечению лиц в преступления в составе организованных групп или преступных сообществ.

Данный аналитический подход подчеркивает динамичный и итеративный характер оценки доказательств в российской правовой системе, подчеркивая способность судебной власти адаптировать свои соображения в зависимости от процессуальных изменений и представления новой информации.

В аналитических рамках, предусмотренных пунктом 21 Постановления № 41 и закрепленных в статье 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, необходимо, чтобы обоснование судебных решений опиралось на надежные, проверяемые доказательства и информацию.

В судебном разбирательстве часто используются результаты оперативно-розыскных мероприятий, например рапорты сотрудников, которые могут служить доказательством того, что человек может скрыться от правосудия, продолжить преступную деятельность, угрожать свидетелям или поставить под угрозу безопасность других участников системы уголовного правосудия.

С этой точки зрения защите предоставляется прерогатива оспаривать приемлемость таких отчетов, особенно если они получены с нарушением строгих требований, предусмотренных частью 1 статьи 108 вышеупомянутого Кодекса. Это положение прямо запрещает включать в судебные прения неподтвержденные данные, в частности, оперативно-следственные материалы, полученные в нарушение требований статьи 89.

По конкретному делу от 8.09.2015г. Ковылкинский районный суд Республики Мордовия вынес постановление об удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу гражданина Л., которому предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации. На принятие данного решения существенное влияние оказала оперативная информация, согласно которой Л. намеревался скрыться в Москве.

Однако впоследствии это решение было отменено Верховным судом Республики Мордовия 23.09.2015г. в связи с недостаточным фактическим обоснованием и ненадлежащей проверкой оперативной информации, на которую ссылался следователь.

Данная судебная позиция нашла свое отражение и в надзорном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5.11.2013г. (№ 46-Д13-23). В нем было указано, что простое сообщение сотрудника органов внутренних дел об участии Гайнанова в незаконной сбытовой деятельности, не подкрепленное доказательствами и не подвергнутое судебной проверке, не может служить законным основанием для вывода о причастности лица к сбыту наркотических средств или

предположения о совершении такого преступления в отсутствие оперативного вмешательства [32].

Эти прецеденты подчеркивают важнейший принцип российской правовой системы: обязательность эмпирических доказательств и тщательной судебной оценки при обосновании обвинений и принятии решений о заключении под стражу, что закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе и подкреплено механизмами судебного контроля высокого уровня.

Процессуальные правила представления результатов оперативно-розыскной деятельности в судебные, следственные и фискальные органы определены ст. 11 Федерального закона №144 РФ «Об оперативно-розыскной деятельности». В соответствии с ней представление оперативной информации должно быть согласовано с руководителем оперативно-розыскного подразделения, что закреплено в подробных внутренних протоколах [66].

В моем опыте еще не было случая, чтобы результаты оперативно-розыскной деятельности, оформленные в виде отчетов и сопровождаемые директивой руководителя оперативного подразделения, были представлены в ходе судебного рассмотрения ходатайств о заключении под стражу.

Необходимость разъяснения методологии и контекста, в которых составляются такие отчеты, представляется излишней.

Кроме того, согласно пункту 2 части 2 статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, автор рапорта не имеет права раскрывать происхождение своей информации. Статья 87 того же кодекса гласит, что проверка достоверности доказательств органами следствия и прокуратуры предполагает их сопоставление с другими материалами дела, а также подтверждение или опровержение этих доказательств путем их дополнительного исследования.

Представители прокуратуры обычно умалчивают об источнике доказательств, ссылаясь на конфиденциальность. Тем не менее, статья 5 Федерального закона №144 РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает исключения, разрешая не разглашать информацию,

касающуюся исключительно внедренных оперативников в преступные организации, штатных тайных оперативников, а также лиц, конфиденциально отказавшихся от сотрудничества. Вся остальная информация должна быть предоставлена судебным органам по их запросу [66].

Например, если оперативный сотрудник сообщает, что обвиняемый может скрыться от правосудия на основании собранных оперативных данных, он обязан раскрыть источник оперативной информации, который может включать в себя показания гражданских лиц, перехваченные сообщения или материальные доказательства, такие как путевые листы. Однако личности информаторов или тайных сотрудников раскрывать не обязательно.

В случаях, когда оперативный сотрудник говорит о наличии у него важных разведанных, не приписывая их определенному источнику, такие утверждения в соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации признаются недопустимыми доказательствами.

Данное процессуальное правило подчеркивает, что судебная власть уделяет особое внимание прозрачности доказательств и защите конфиденциальности информации в рамках закона и следственных протоколов.

В аналитических рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в частности в соответствии с положениями части 2 статьи 75, достоверность показаний свидетелей зависит от возможности указать источник их осведомленности. Это требование подчеркивает более широкую интерпретационную сферу, распространяя мандат на раскрытие источника не только на рассказы свидетелей и потерпевших, но и на все формы доказательств.

Процессуальный мандат служит критическим ситом для определения допустимости и достоверности доказательств, поскольку неспособность судебной власти установить подлинность и тщательно проверить законность доказательств, как это запрещено в разделе 2 статьи 17, подрывает целостность

судебного разбирательства, упреждая придание неоправданного веса таким доказательствам.

Еще больше усложняет ситуацию с доказательствами то, что в юридической практике появляются различные другие критерии для исключения доказательств, требующие тщательного рассмотрения. Адвокаты защиты могут столкнуться с нежеланием суда проводить всестороннюю оценку из-за нехватки процессуального времени, что может привести к отказу от детального обсуждения.

Однако существует мандат, согласно которому эти соображения должны быть отражены в окончательных оценках судебных органов. Невыполнение этого требования позволяет подготовить убедительные апелляционные аргументы, ставящие под сомнение основополагающую справедливость первоначального вердикта.

Наблюдения за динамикой судебного процесса показывают, что председательствующие судьи склонны отклонять ходатайства об исключении доказательств как преждевременные или откладывать их оценку на стадию обсуждения, несмотря на раздел 3 статьи 271, предусматривающий возможность повторной подачи таких ходатайств.

Такая практика не только сдерживает защиту, но и может непреднамеренно повлиять на восприятие судебного процесса, выставя защиту в спорном свете с потенциальными последствиями для подсудимого.

Однако настойчивое и юридически обоснованное оспаривание допустимости доказательств служит не просто тактикой состязательности, а принципиальным отстаиванием справедливости, потенциально способным перевернуть дело из-за исключения одного доказательства и, как следствие, поставить под сомнение легитимность последующих доказательств.

Этот нарратив подчеркивает состязательный характер судебного процесса, предусмотренный Уголовно-процессуальным кодексом РФ, подчеркивая индивидуальный подход к каждому делу. Процессуальная арена это не просто площадка для оспаривания юридических фактов, а поле битвы

за более широкие принципы правосудия, прав личности и защиты личных свобод в рамках правовой системы Российской Федерации.

В контексте судебного разбирательства, особенно при изучении соблюдения процессуальных норм судом первой инстанции, возникает заметная озабоченность по поводу рассмотрения судом ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Эта проблема привлекает внимание наблюдателей и участников судебного процесса, поднимая несколько основных вопросов:

- обязан ли судебный орган незамедлительно рассматривать ходатайства о признании доказательств недопустимыми с момента их подачи?
- имеют ли судебные органы право по своему усмотрению игнорировать такие ходатайства без обсуждения?
- допустимо ли, чтобы судебные органы в ходе судебного разбирательства не рассматривали ходатайства о признании доказательств недопустимыми?
- допустимо ли, в частности, на предварительных стадиях, чтобы суд первой инстанции обходил эти ходатайства стороной?
- является ли процессуально правильным откладывание судом рассмотрения этих ходатайств до вынесения приговора?

Часть 2 статьи 271 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прямо обязывает судебные органы изучить каждое заявленное ходатайство. По результатам рассмотрения судебные органы обязаны либо удовлетворить ходатайство, либо вынести определение или постановление об отказе в удовлетворении ходатайства, при этом не предусматривается возможность оставления ходатайства без рассмотрения.

Кроме того, глава 15 «Ходатайство» Кодекса усиливает эту обязанность, требуя немедленного рассмотрения и разрешения ходатайств после их подачи (ст. 121 УПК РФ) и обуславливая необходимость принятия судебным органом

решения об удовлетворении ходатайства, его полном или частичном принятии (ст. 122 УПК РФ) [63].

Аналитические рамки судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации приобретают значимость при изучении приговора от 29.01.2009г., обозначенного как Определение № 8-0-0.

В данном определении рассматривается вопрос о непринятии к рассмотрению жалобы гражданина Громовича Виталия Анатольевича на нарушение его конституционных прав отдельными частями - пунктами 2 и 5 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В документации разъясняются процессуальные протоколы подачи и рассмотрения жалоб в рамках судебной системы.

Примечательно, что процессуальные предписания, содержащиеся в статьях 119-122 Уголовно-процессуального кодекса РФ, предусматривают оперативное рассмотрение и разрешение ходатайств после их подачи.

Кроме того, статья 235 определяет критерии исключения доказательств, обязывая судебные органы рассматривать такие ходатайства либо в ходе предварительного слушания, либо, в случае повторения, в ходе рассмотрения уголовного дела по существу [37].

В данном контексте отсутствие оценки судом первой инстанции ходатайства об оспаривании допустимости доказательств на стадии судебного разбирательства свидетельствует о процессуальной аномалии.

Данное отступление от предписаний Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации свидетельствует о наличии критической области процессуального несоответствия в судебном процессе.

При рассмотрении дел с участием присяжных заседателей крайне важно соблюдать строгие правила, касающиеся информации о подсудимом, которую они могут получить. В частности, такие подробности, как предыдущая криминальная история или зависимость от психоактивных веществ, должны быть скрыты.

Данный протокол призван обеспечить беспристрастность присяжных и смягчить любую предрасположенность к позиции обвинения. Роль адвоката защиты состоит в том, чтобы подчеркнуть доказательства и аргументы, подтверждающие отсутствие вины подсудимого [73, с. 243-246.].

В рамках таких процессов защита имеет прерогативу ходатайствовать об исключении некоторых доказательств, признанных недопустимыми в соответствии с правовыми нормами. Эта мера служит для того, чтобы оградить присяжных от воздействия информации, которая потенциально может повлиять на принятие ими решения.

Законодательный аппарат предписывает досудебную фильтрацию доказательств, полученных незаконным путем, что гарантирует, что присяжные будут принимать решения на основе юридически достоверных данных [33, с. 32-36].

Более того, законодательные нормы прямо запрещают сторонам раскрывать присяжным любую информацию о доказательствах, которые были исключены [19, с. 297-301].

На данный момент в законодательной базе существует определенная неопределенность в отношении стандартов признания доказательств недопустимыми. Эта неопределенность часто приводит к отклонению ходатайств защиты об исключении доказательств по таким основаниям в ходе суда присяжных.

Существует настоятельная потребность в принятии точных законодательных директив, которые однозначно определяли бы определенные нарушения закона как основания для автоматического исключения доказательств.

Кроме того, роль адвокатов в оценке доказательств должна быть расширена за пределы предварительных экспертиз и включать апелляционные процессы.

3.3 Заявление ходатайств и принесение жалоб как форма участия защитника в уголовно-процессуальном доказывании

В уголовном судопроизводстве под ходатайством понимается официальное обращение заинтересованных сторон к авторитетному органу или должностному лицу с требованием либо выполнения, либо прекращения конкретных процессуальных действий, решений или их отмены.

Жалоба же — это правовой инструмент, используемый любым участником уголовного судопроизводства, включая следователей и дознавателей, но не ограничиваясь ими, для обращения в вышестоящий орган или надзорное лицо с требованием восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов.

Современные правовые механизмы предоставляют подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и их законным представителям возможность влиять на ход предварительного следствия и судебного разбирательства путем стратегического направления ходатайств и жалоб. Эта прерогатива распространяется на весь этап расследования дела.

Наличие этих средств правовой защиты позволяет изменить квалификацию преступного деяния, скорректировать меры пресечения до суда, прекратить уголовное преследование полностью или частично, инициировать конкретные следственные действия и решить множество других важнейших с точки зрения защиты вопросов.

Главным основанием для возбуждения ходатайств и жалоб является необходимость эффективной защиты, в частности, доказывания невиновности сторон. Обоснованные ходатайства и жалобы служат для дознавателей, следователей, прокуроров и судебных органов инструментами, дополняющими неполные материалы дела.

В ходе рассмотрения ходатайств и жалоб могут всплыть ранее не обнаруженные факты, которые могут оправдать обвиняемых или способствовать смягчению приговора в ходе судебного разбирательства.

Подчеркивается, что стратегическое представление адвокатом ходатайств, направленных на сбор доказательств, является важнейшим методом установления оправдательных или смягчающих обстоятельств в пользу обвиняемого [35].

Данный анализ подчеркивает, что подача ходатайств должна быть тщательно продуманной стратегией защиты по всем важнейшим вопросам. Ходатайства могут быть основаны на информации, полученной непосредственно из уголовного дела или из внешних источников.

В сценариях, когда защите становится известна информация, потенциально полезная для ее позиции, крайне важно, чтобы она незамедлительно обратилась к правовой системе с просьбой проверить и официально закрепить эту информацию, придерживаясь предписанных юридических протоколов.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит четкого перечня ходатайств, которые могут быть заявлены подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и их законными представителями. Тем не менее, существует определенная ясность в отношении всеобъемлющего права на подачу ходатайств, в частности, в процессуальных нормах, касающихся допроса свидетелей, назначения экспертиз и проведения различных следственных действий.

Практикующие адвокаты часто используют обширный спектр ходатайств, направленных преимущественно на изменение досудебных ограничений, изменение обвинения, прекращение уголовного преследования и совершение иных процессуальных действий.

Юридические представители обязаны предвидеть возможные последствия заявляемых ими ходатайств. Участие в процессе рассмотрения ходатайств без предвидения положительного результата считается неосмотрительным для обвиняемого и категорически недопустимым для защитника.

Юридическим консультантам запрещается заявлять ходатайство вопреки желанию обвиняемого, независимо от правильности их суждений. Защитник обязан донести до своего клиента полное понимание всех возможных последствий, в том числе неблагоприятных, связанных с подобными действиями. Если клиент настаивает на ходатайстве, которое защитник считает вредным, он лишается возможности выразить несогласие с решением обвиняемого в следственных или судебных органах.

Процессуальные нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не устанавливают конкретного формата подачи ходатайств, допуская их устную и письменную формы. Устные ходатайства фиксируются в протоколах соответствующих следственных действий, а письменные приобщаются к материалам дела и фиксируются в протоколе судебного заседания.

В ходе анализа уголовных дел и общения с адвокатами выявилось примечательное наблюдение: значительная часть устных ходатайств не документируется. Это явление объясняется тем, что органы предварительного следствия, а иногда и судебные инстанции склонны препятствовать заявлению ходатайств как адвокатами, так и подсудимыми, ссылаясь на временные ограничения, с которыми сталкиваются дознаватели и следователи.

Таким образом, эти должностные лица, признавая необходимость рассмотрения действий, на которые указывает защита, часто действуют так, как будто инициативы возникли сами собой, минуя официальный процесс подачи ходатайств со стороны защиты.

Предполагаю, что оптимальным подходом к подаче ходатайства остается письменное обращение. Такое предпочтение обусловлено повышенной ответственностью адвоката и лица, в отношении которого ведется судебное разбирательство, будь то подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, за инициирование любого ходатайства о проведении следственных действий.

Кроме того, официальная подача ходатайства гарантирует его подтверждение и тем самым снижает вероятность того, что оно будет оставлено без внимания. Однако следует признать, что, несмотря на эти меры предосторожности, письменные ходатайства могут оставаться без ответа, что было отмечено при анализе материалов уголовных дел, поступивших из Ленинского суда г. Самары.

Склонность защиты воздерживаться от заявления ходатайств на стадии предварительного расследования коррелирует с ощущаемой следователями предвзятой позицией по отношению к требованиям, заявляемым обвиняемыми и их законными представителями. Такое восприятие предвзятости подтверждается значительной частью адвокатов, 77 % которых заявили о дискриминационном отношении со стороны органов предварительного следствия.

Это предубеждение подтверждается и эмпирическим анализом 37 уголовных дел, который показал, что лишь 21% ходатайств о недостаточности доказательств были удовлетворены, а 79% отклонены. Напротив, судебные разбирательства, как правило, более эффективно поддерживают принципы равенства и состязательности.

Обоснование отклонения ходатайств защиты часто не имело под собой серьезных оснований. Среди распространенных причин отклонения ходатайств защиты игнорирование следователем точки зрения защиты [45], опора на свидетельские показания и косвенные улики как неоспоримое доказательство вины [46], беспрекословное доверие к заключениям экспертов [47], предполагаемая значительная общественная опасность, которую представляет человек [49] и т.д. Эти обоснования свидетельствуют о сложившемся в органах предварительного расследования менталитете, при котором следователи и дознаватели склонны придерживаться своей позиции, а значит, рассматривать ходатайства защиты как простое препятствие для продвижения дела.

В процессуальных нормах, регулирующих уголовные расследования, роли следователя и дознавателя разграничены с четким соблюдением установленных сроков расследования и содержания под стражей лиц, обвиняемых в совершении преступлений. Эти должностные лица обязаны тщательно проводить свои проверки, не допуская нарушения процессуальных сроков.

Такой тщательный подход крайне важен, однако он непреднамеренно приводит к тому, что ходатайства отклоняются по сомнительным основаниям. Типология оснований для отклонения таких ходатайств включает [48]:

- признание нецелесообразности дополнительных допросов, обусловленное отсутствием конкретики в отношении возможных показаний свидетеля;
- утверждение, что данный свидетель уже был допрошен;
- манипулирование следователем деталями ходатайства, заканчивающееся полным опровержением аргументов обвиняемого;
- отклонение ходатайства на основании того, что оно уже находится на рассмотрении;
- отклонение ходатайств о проведении судебно-психиатрической экспертизы с обоснованием того, что психическое состояние обвиняемого не вызывает сомнений.

Этот перечень, хотя и обширный, не является исчерпывающим. Дополнительные стратегии, используемые для отклонения ходатайств, включают в себя обвинения в неадекватности предварительного расследования и пропуске ключевых очных ставок со свидетельскими показаниями.

Следователи обосновывают такие отказы тем, что подобные ходатайства являются лишь уловками для затягивания следствия, как это предусмотрено ч. 1 ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Более того, ходатайства о снятии обвинения часто отклоняются на том основании, что они представляют собой попытку обвиняемого уйти от ответственности [51].

Рассмотрение ходатайств органами власти также часто распространяется на заключительные этапы расследования, что противоречит праву обвиняемого на защиту. В соответствии со ст. 121 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержится прямое указание на оперативное рассмотрение и разрешение ходатайств после их подачи.

В случаях, когда немедленное разрешение не представляется возможным, постановление должно быть вынесено в срок не более трех суток с момента подачи ходатайства, что обеспечивает соблюдение процессуальной справедливости и прав защиты.

Анализ проблем, связанных с представлением и приобщением доказательств, позволяет провести параллель с трудностями, возникающими при рассмотрении жалоб и ходатайств, подаваемых адвокатами и обвиняемыми. Эмпирические данные показывают, что участие защиты в оспаривании решений, принятых следственными органами, заметно минимально: лишь около 20% отклоненных ходатайств подлежат обжалованию, несмотря на то что около 30% таких жалоб получают положительный результат.

Отмечается, что обвиняемые и их законные представители склонны считать, что на предварительных этапах расследования уголовного дела высказывание опасений по поводу пробелов и недостатков в следственном процессе не является стратегически выгодным. Эта точка зрения подкрепляется предположением о том, что судебное разбирательство является более беспристрастной платформой для рассмотрения таких жалоб.

В рамках правового анализа утверждается, что решение оспорить отказ в удовлетворении ходатайств варьируется между правом и обязанностью в зависимости от конкретных целей ходатайства. В частности, если ходатайство направлено на прекращение уголовного дела или облегчение условий содержания подсудимого до суда, то обжалование считается профессиональной обязанностью адвоката.

И наоборот, если отказ не препятствует выяснению обстоятельств дела, адвокат считается способным вновь заявить ходатайство в ходе судебного разбирательства, не обязательно обжалуя предварительное решение следователей.

Высказывается мнение, что на стадии предварительного расследования защите необходимо активно оспаривать как действия сотрудников следственных органов, так и судебные решения, связанные с проведением следственных действий и прекращением уголовного дела.

Обобщение рассмотренных вопросов свидетельствует о существенном ограничении действующего законодательства, которое препятствует возможности защиты решать и устранять вопросы неполноты доказательств путем подачи жалоб и ходатайств в ходе предварительного следствия. В связи с этим возникает острая необходимость в создании новых процессуальных механизмов рассмотрения жалоб и ходатайств, что позволит повысить эффективность досудебного расследования.

Заключение

Исследование, проведенное в данной работе магистра, позволяет сделать следующие выводы: понятия «адвокат» и «защитник» не являются полностью синонимами. Хотя адвокат может выступать в роли защитника, другие лица также могут выступать в качестве защитников, и адвокат может заниматься и другими задачами, такими как представительство потерпевшего и т.д.

Следовательно, использование термина «адвокат» в статье 48 части 2 Конституции РФ не является целесообразным, так как термин «защитник» полностью охватывает его смысл. Участие защитника в уголовном судопроизводстве обусловлено в значительной мере его уголовно-процессуальной функцией, которую он выполняет. Поэтому адвокат-защитник, как ключевая фигура в уголовном процессе, формирует и реализует правовую позицию, против поставляющуюся обвинению и направленную на защиту обвиняемого, его оправдание, освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания.

Исходи из этого попробую сформулировать следующим:

- отечественный уголовный процесс развивается на началах состязательности, которые признаются и уважаются судами;
- нарушение принципа состязательности в части непредоставления защите равных возможностей по отстаиванию интересов прямо наказывается отменой приговора;
- содержание принципа состязательности, которое вкладывается исследователями, является более широким, чем понимание, защищаемое Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ);
- разработал ЕСПЧ твердую позицию о нарушении принципа «на тех же условиях» в части нарушения права на справедливое судебное разбирательство;

- развитие уголовного процесса происходит по направлению расширения состязательных начал на досудебный этап практики;
- необходимо решить вопрос о статусе защитника и его участии в доказывании на досудебном этапе;
- стадия судебного разбирательства характеризуется реализацией состязательных начал в процессуальном равенстве сторон обвинения и защиты;
- защитник выполняет уголовно-процессуальные функции защиты лица и охраны его законных интересов, оказывает юридическую помощь;
- защитник наделен широкими полномочиями для оказания юридической помощи по ст. 53 УПК РФ;
- вопрос о участии защитника в доказывании является актуальным, и в публицистике выделяются две точки зрения на этот счет.

В условиях современной судебной практики роль адвоката в процессе сбора доказательств в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации сопряжена с рядом серьезных проблем.

К ним относятся: ограниченный набор методик сбора доказательств, фактически исключающий их из сложившейся системы доказывания; ярко выраженное неравенство возможностей адвокатов по истребованию и приобщению доказательств к материалам уголовного дела по сравнению с другими поставщиками доказательств; отсутствие кодифицированных указаний, регулирующих порядок представления доказательственных материалов адвокатами; условный характер принятия доказательств, зависящий от усмотрения следственных органов, которые могут придать доказательственное значение представленным сведениям.

Раздел 3 статьи 86 Кодекса четко определяет права адвоката, разрешая сбор доказательств путем истребования предметов, документов и различной информации, проведения допросов по согласию, а также получения различных

документов от государственных, муниципальных и организационных структур.

Данные положения якобы направлены на расширение возможностей адвокатов защиты, способствуя созданию более сбалансированной состязательной системы и потенциально приводя к справедливому исходу уголовного дела. Кроме того, эта система призвана смягчить произвол судебной практики и устранить неоправданные препятствия для деятельности защиты.

Суть обеспечения эффективной правовой защиты заключается в предоставлении адвокатам беспрепятственного доступа к потенциально оправдательной или смягчающей информации, принцип критически важный для целостности состязательного процесса. Отсутствие механизмов реализации адвокатами прав на сбор доказательств может привести к несправедливому представлению материалов дела и тем самым подорвать основополагающие принципы судебного процесса.

Законодательные поправки, направленные на укрепление прерогатив адвокатов по сбору доказательств, могли бы существенно исправить этот дисбаланс. Такая законодательная реформа закрепила бы права адвокатов на сбор, проверку и использование информации в качестве доказательств, что способствовало бы созданию более справедливой правовой среды.

В заключение следует отметить, что необходимо институционализировать право адвоката на сбор доказательств путем внесения изменений в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Это изменение предполагает введение нового подраздела 5.1, определяющего характер информации, предметов и документов, которые адвокат в соответствии со статьей 86 вправе собирать.

Кроме того, целесообразно изложить в статье 86 или ввести новую статью 86.1 процессуальные правила сбора, документирования и представления доказательств стороной защиты, обеспечив тем самым всесторонний и справедливый процесс доказывания.

Перед началом допроса адвокат обязан разъяснить допрашиваемому законодательные положения, закрепленные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, а также аналогичные положения Федерального закона № 63 РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Данные нормативные акты наделяют защитника прерогативой проведения допроса.

Кроме того, для повышения эффективности защиты в процессе сбора доказательств предлагается включить в Уголовно-процессуальный кодекс статью 5, определяющую понятие «опрос лиц при их согласии».

Предлагается внести поправку в пункт 2 части 3 статьи 86 УПК РФ, согласно которой протокол допроса должен содержать основные сведения о допрашиваемом (фамилию, имя, отчество, возраст, место жительства, ссылку на документ, удостоверяющий личность), а также дату, место проведения допроса и данные о допрашивающем. Помимо этого, меморандум об интервью должен содержать собственноручно написанное согласие интервьюируемого на проведение интервью.

Такое разграничение подчеркивает неравенство в возможностях защиты обвиняемого, способствуя дисбалансу между сторонами в процессе уголовного судопроизводства. Предоставление адвокатам защиты возможности активно участвовать в сборе доказательств рассматривается как средство устранения этого дисбаланса, обеспечивающее более справедливый спор между сторонами.

Необходимо признать нынешний формальный и неэффективный статус права адвоката на сбор доказательств, что требует внесения изменений в законодательство для усиления роли адвоката в сборе доказательств, тем самым способствуя всесторонней актуализации принципа состязательности.

Анализ участия адвоката в сборе доказательств в рамках уголовного судопроизводства позволяет выявить несколько ключевых областей:

- запрос предметов, документов и дополнительных сведений. В соответствии с п. 1 ст. 86 УПК РФ адвокат вправе истребовать

- предметы, документы и дополнительные сведения, имеющие значение для дела;
- проведение допроса на основе согласия. Пункт 2 части 3 статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определяет полномочия адвоката по проведению опроса с согласия участвующих лиц;
 - истребование документов из государственных органов и организаций. В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ адвокат вправе истребовать необходимые документы из государственных органов, местных администраций, общественных объединений и организаций, имеющих отношение к делу;
 - привлечение экспертизы. Пункт 3 части 1 статьи 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации наделяет законных представителей правом привлекать к участию в деле заключения и показания экспертов;
 - заявление ходатайств об участии в собирании доказательств. Юридические лица вправе заявлять ходатайства об участии в собирании доказательств, что закреплено в пункте 8 части 1 статьи 53, а также в соответствующих положениях частей 3 и 4 статьи 88, статьи 119, части 5 статей 234 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [55].

Кроме того, адвокаты наделены полномочиями представлять интересы подсудимых, предлагать доказательства и оспаривать судебные решения. Примечательно, что в некоторых случаях адвокаты защиты имеют возможность влиять на процесс рассмотрения дела, включая организацию следственных экспертиз и других процессуальных действий.

Изменение законодательства в направлении закрепления обязанности следственных органов удовлетворять ходатайства защитника может способствовать более справедливому и равномерному применению уголовно-процессуальных норм. Это позволит защитнику активнее участвовать в

процессе, обеспечивая подсудимого необходимыми и профессиональными экспертизами и иными действиями.

Важно отметить, что при этом следственные органы не должны ссылаться на то, что обстоятельства, в отношении которых защитник ходатайствует о проведении следственных действий, должны иметь значение для уголовного дела. Такое ограничение может быть неразумным, поскольку защитник имеет право и обязанность защищать интересы подсудимого во всех аспектах дела, включая и такие обстоятельства, которые могут не иметь прямого отношения к уголовному процессу, но могут быть важными для обоснования защиты.

В целом, совершенствование законодательства в указанном направлении может способствовать более сбалансированному и справедливому процессу рассмотрения уголовных дел, где защитник будет иметь возможность действовать в интересах подсудимого и обеспечивать ему полноценную защиту, включая назначение необходимых следственных экспертиз и других следственных действий.

Такое дополнение позволит ясно установить, что роль защитника заключается не в доказывании невиновности, а в предоставлении юридической помощи и защите прав доверителя в рамках судебного процесса.

Законодательство сейчас не предоставляет возможности защитнику собирать доказательства, что приводит к нарушению принципа состязательности.

Чтобы изменить ситуацию, необходимо внести поправки в уголовно-процессуальный кодекс, чтобы защитник имел право собирать и представлять собранные им сведения, предметы и документы в качестве доказательств в ходе уголовного дела. Возможно также внесение изменений в положения, касающиеся опросов лиц по их согласию, чтобы усилить эффективность работы защитника.

В контексте судопроизводства в Российской Федерации поправки, направленные на приведение в соответствие со статьей 75 Уголовно-

процессуального кодекса, позволят приобщать к делу доказательства, полученные адвокатом, тем самым поддерживая состязательность, присущую уголовному судопроизводству.

В настоящее время право адвоката на получение доказательств остается преимущественно номинальным, а принцип состязательности отсутствует на стадии расследования.

Следовательно, целостная оценка свидетельствует о насущной необходимости доработки существующих правовых положений с целью устранения несоответствий в нормативно-правовой базе.

Только благодаря таким усовершенствованиям адвокаты защиты смогут получить ощутимые полномочия для компетентного выполнения своих правовых мандатов и ревностного отстаивания интересов своих клиентов.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агафонов Б.Н. Функции защитника в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2016 № 8 С. 223-226.
2. Антропов М.В. Школа адвоката: адвокат-защитник как субъект доказывания / М.В. Антропов // Воронежский адвокат. 2009. № 1.
3. Апелляционное постановление №22-7589/2019 22к-7589/2019 от 29.10.2019г. по Делу №22-7589/2019: Суд Акт. Ру // (дата обращения 02.09.2023г.).
4. Архив Дзержинского городского суда Нижегородской области // [Электронный ресурс] <http://dzerginsky.nnov.sudrf.ru>. Уголовное дело № 22-6823/2015 // <http://oblsudnn.ru>. (дата обращения 02.09.2023г.).
5. Бабинов О.В. Защитник в уголовном процессе: определение, правовой статус // Новая адвокатская газета. 2016 № 1 С. 14-17.
6. Бессорабов В. Правовой статус адвокатов в России и в странах – участницах СНГ // Уголовное право. 2007. № 1. С. 116.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 12 [Электронный ресурс] // <https://vsrf.ru/documents/newsletters/1744/> (дата обращения 02.09.2023г.).
8. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 9 [Электронный ресурс] // <https://www.vsrfr.ru/documents/newsletters/1763/> (дата обращения 02.09.2023г.).
9. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009 № 4 [Электронный ресурс] // <https://www.vsrfr.ru/documents/newsletters/1782/> (дата обращения 20.10.2023г.).
10. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018 № 2 [Электронный ресурс] // <https://www.vsrfr.ru/documents/newsletters/5277/> (дата обращения 20.10.2023г.).
11. Вайпан В.А. Настольная книга адвоката: постатейный комментарий к Федеральному закону об адвокатской деятельности и адвокатуре, нормативно-методические материалы. М., 2006. 704 с.
12. Власов Д.В., Купцова К.А. Защитник в уголовном заседании: полномочия, функции, положение // Правосудие. 2014 № 11 (126). С. 411.

13. Вьюник Л.Г. Процессуальные проблемы участия защитника в суде // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 462-464.

14. Гуганов А.А. Возможность участия адвоката в уголовном процессе в качестве защитника // Адвокат. 2017 № 12 С. 57.

15. Денда В.В. Адвокат в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2015 № 11 С. 6-11.

16. Гаспарян Нвер // Адвокатская газета выпуск № 16(321) от 16-31 августа 2020г. [Электронный ресурс] // <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zashchita-obyazana-poseyat-somneniya>. (дата обращения 02.09.2023г.).

17. Зиганшин Р. Порядок осуществления защиты в уголовном судопроизводстве: проблемы применения // Вестник Томского государственного университета. 2017 № 3 С. 187.

18. Икалов И.А. Роль защитника в процессе доказывания, при производстве расследования по уголовному делу // Закон и право. 2004. № 11. С. 19-22.

19. Калинкина Л.Д., Соткова В.В., Фирсов С.Н. Ходатайства адвоката защитника о признании доказательств недопустимыми при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 297-301.

20. Кондрусов Э.В. Защитник. Понятие, его процессуальное положение, допуск защитника к участию в деле, обязательное участие защитника // Российский судья. 2007. № 3. С. 31.

21. Конституция Российской Федерации // [Электронный ресурс] СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.10.2023 г.).

22. Конституционное совещание, 29 апреля - 10 ноября 1993 г.: стенограммы, материалы, документы. – Москва : Юридическая литература: издание Администрации Президента Российской Федерации, 1995. 23с.

23. Кудрявцев В.Л. Юридическая ответственность адвоката (защитника) за неисполнение либо ненадлежащее исполнение конституционной

обязанности по оказанию квалифицированной юридической помощи // Адвокат. 2008. № 2. С. 15.

24. Кучерена А.Г. Адвокатура: учебник / А.Г. Кучерена; М-во образования Рос. Федерации, Моск. гос. юрид. акад. – Москва : Юристъ, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 351 с.

25. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Лазарева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2016. 303 с.

26. Лебедев В.М. О спорных вопросах осуществления защиты в уголовном процессе // Право. 2017. № 5. С. 158-159.

27. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. М. : Юрист, 2004. 815 с.

28. Макушкина Е.Э. К вопросу о сроках предоставления адвокату запрошенных им доказательств // Юрист. 2007. № 1. С. 59.

29. Материал выпуска № 9 (314) 1-15 мая 2020 года. // [Электронный ресурс] <https://www.advgazeta.ru/mneniya/argumentatsiya-zashchity/> Аргументация защиты Гаспарян Нвер. Адвокат АП Ставропольского края, советник ФПА РФ// (дата обращения 20.10.2023 г.).

30. Медведева Н.С. Процессуальное положение и практика деятельности защитника в уголовном судопроизводстве // Судья. 2016. № 8. С. 221-223.

31. Мухтасипова Т.Н. Механизм реализации функции частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Юж.-Ур. гос. ун-т. - Челябинск, 2004. 20 с.

32. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) // [Электронный ресурс] СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 01.11.2023 г.).

33. Оленев А.Б. К вопросу о некоторых процессуальных особенностях участия адвоката в ходе осуществления защиты в суде с участием присяжных заседателей // Евразийская адвокатура. 2016. № 3 (22). С. 32-36.

34. О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ // [Электронный ресурс] СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.10.2023г.).

35. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 мая 1995 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 2. (дата обращения 01.11.2023 г.).

36. Определение Конституционный Суд РФ от 23 мая 2006 г. № 154-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дружинина Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных прав ст. ст. 75, 88, 109, 152 и 235 УПК РФ // [Электронный ресурс] СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.10.2023г.).

37. Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 8-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Громовича Виталия Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 5 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс] СПС «Гарант» (дата обращения 20.10.2023 г.).

38. Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 676-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Добротворского Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.10.2023г.).

39. Осьмаков М.А. О некоторых проблемах адвокатского расследования // Российский следователь. 2007. № 9. С. 7-9.

40. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. Судебный департамент Верховного Суда РФ. (дата обращения 01.11.2023 г.).

41. Пермякова О. Правовое положение адвоката: анализ норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Адвокат. 2014. № 2. С. 38-41.

42. Петров А.В. Проблемы правового статуса адвоката-защитника в уголовном процессе // Актуальные проблемы права. 2015. № 11. С. 219.

43. Постановление ЕСПЧ от 20.09.2011 «Дело» Федоренко (Fedorenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39602/05) // [Электронный ресурс] СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 01.11.2023 г.).

44. Постановление ЕСПЧ от 13.11.2012 «Дело» Королева (Koroleva) против Российской Федерации» (жалоба № 1600/09). // [Электронный ресурс] СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.10.2023 г.).

45. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 2 сентября 1992 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 2. (дата обращения 01.11.2023 г.).

46. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15 июня 1994 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 9. (дата обращения 01.11.2023 г.).

47. Постановление Президиума Псковского областного суда от 15 июля 1994 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 6. (дата обращения 01.11.2023 г.).

48. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15 мая 1996 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. №8. (дата обращения 01.11.2023 г.).

49. Постановление Конституционного Суда РФ По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гигиса и С.В. Абрамова от 28.01.97 № 2-й // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 1. // (дата обращения 01.11.2023 г.).

50. ПП ВС РФ №41 от 19.12.2013г в (ред. от 11.06.2020) // [Электронный ресурс] СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.10.2023 г.).

51. Постановление Конституционного Суда РФ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова от 27 июня 2015 № 11-П // СЗ РФ.- 2015. № 27. С. 2882.

52. Постановление Иркутского областного суда от 14 ноября 2016 г. // Архив Иркутского областного суда. Дело № 44у-117/16. (дата обращения 20.10.2023 г.).

53. Прожерин С.В. Функции и полномочия защитника в уголовном процессе // Вопросы общей теории права. 2015. № 10. С. 104.

54. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. М., 2018, 1021с.

55. Седельникова Л.В. Понятие защитника в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2017. № 4. С. 114.

56. Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ст. 3859.

57. Соловьева С.С. Право на защиту в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Государство и право. 2016. № 2. С. 313.

58. Стецовский. Ю.И. Адвокатура и государство / М., 2007. 272 с.

59. Титарь М.М. Об эффективности деятельности защитника в стадии предварительного следствия // Молодой ученый. 2015 № 7 С. 41.

60. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 25.03.2022) // [Электронный ресурс] СПС Консультант-Плюс (дата обращения 20.10.2023 г.).

61. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // [Электронный ресурс] СПС «Консультант Плюс» (утратил силу) // (дата обращения 01.11.2023 г.).

62. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.

63. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения 02.09.2023 г.).

64. УПК РФ Комментарии / отв. ред. В.И. Радченко - 4-е изд., перераб. и доп. - М., 2007. 1124 с.

65. Упорова Т.Д. Правовой механизм деятельности адвоката – защитника в уголовном судопроизводстве // Вестник Тюменского государственного университета. 2016. № 7. С. 61-63.

66. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // [Электронный ресурс] СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.10.2023 г.).

67. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] СПС «Консультант Плюс». (дата обращения 20.10.2023 г.).

68. Федорова В.Г. Понятие юридической ответственности и ее регулятивно-охранительная природа // Государство и право. 2007. № 9. С. 87.

69. Фирсов С.Н., Лобанова Т.В. Участие адвоката-защитника в уголовном процессе по назначению в свете реализации права на получение квалифицированной юридической помощи // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 87-91.

70. Фомин М.А. Допустимость доказательств, собранных защитником // Уголовный процесс. 2008. № 2. С. 32.

71. Хмелинин И. Реализация защиты в уголовном праве // Уголовный процесс. 2013 № 6 С. 228.

72. Хаушилдт против Дании (Hauschildt v. Denmark): Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 1989 года (жалоба № 10486/83) // [Электронный ресурс] <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/haushildt-protiv-danii-postanovlenie-evropejskogo-suda>. (дата обращения 20.10.2023г.).

73. Чудаева Д.Е., Руднева Ю.В., Пищулина Я.А. Особенности участия защитника в суде присяжных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-1. С. 243-246.

74. Шахкелдов Ф. Г. Уголовно-процессуальное доказывание и место в нем защитника // Мировой судья. 2006. № 4. С. 37.

75. AtalykovaZh.Sh., Sheraliyeva A.D., Kuzdeuova L.S., Madeli E.B. Legal status of the advocate in criminal procedures // Industrial technologies and engineering. International scientific practical Conference. 2018. p. 104-107.

76. Latifiani D., Widyawati A., Fibrianti №., Ningsih A.S. Advocate as law enforcer in the implementation of court // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. № 4. p. 439- 449.

77. Lysikhina A. Rights of a lawyer in criminal proceedings in Russia // Modern Science. 2016. № 7. p. 84-85.

78. Loktevich O. Activities of the investigator and the defence lawyer in case of selfincrimination of a person // Preliminary investigation. 2018. № 2. p. 70-76.

79. TurgambaevaCh.K. Guarantees of lawyer secrets // Modern Science. 2018. № 2. p. 74-77.